

КОНОР МАККЕННА

**НЕБЫТИЕ
ПРОИСТЕКАЛО ИЗ
ПРОГУЛОК**

**СТРЕМЛЕНИЕ К ЖИЗНИ В
СТОЛКНОВЕНИИ С ДУХОМ СМЕРТИ**

Конор МакКенна

Небытие проистекало из прогулок

Стремление к жизни в столкновении с
духом смерти

МИПОПП
2021

УДК 159.9:616-006.6

ББК 88.711

M15

МакКенна Конор

M15 Небытие проистекало из прогулок. Стремление к жизни в столкновении с духом смерти / Конор МакКенна; пер. с англ. Петросова Е. В., Шорников В. Н. — М.: МИПОПП, 2021

ISBN 978-5-6045784-0-7

Автор предлагает сложное и важное путешествие – путешествие к исцелению. Справившись с онкологическим диагнозом, он делится своим уникальным опытом. Каковы внутренние ощущения, которые предшествуют серьёзной физической болезни? Возможно ли побороть болезнь путём работы на тонком физическом уровне?

Эта книга обеспечит путешественника, заинтересованного в беспристрастности, самолюбии и свободе, картой болезни, которая сама по себе является картографом.

УДК 159.9:616-006.6

ББК 88.711

ISBN 978-5-6045784-0-7

**© Международный институт
процесс-ориентированной психологии и психотравматологии, 2021**

Небытие проистекало из прогулок

Стремление к жизни в столкновении с духом смерти

Конор МакКенна

Содержание

<i>Предисловие</i>	<i>3 стр.</i>
<i>Противоборство</i>	<i>4 стр.</i>
<i>Пустое облачение</i>	<i>7 стр.</i>
<i>Облачения и покровы</i>	<i>8 стр.</i>
<i>Останавливает... останавливает... остановило</i>	<i>11 стр.</i>
<i>Утонуть среди воздуха</i>	<i>13 стр.</i>
<i>Потеря</i>	<i>17 стр.</i>
<i>Любовник на всю жизнь</i>	<i>18 стр.</i>
<i>Ребёнок и летающая тарелка</i>	<i>22 стр.</i>
<i>Экстернализации</i>	<i>25 стр.</i>
<i>Улыбки на моих пятках</i>	<i>28 стр.</i>
<i>Маленькие булыжники и большие волны</i>	<i>33 стр.</i>
<i>Расчистка дороги</i>	<i>37 стр.</i>
<i>Сигналы, знаки и приметы</i>	<i>41 стр.</i>
<i>Нечаянно в цель</i>	<i>45 стр.</i>
<i>Заложник</i>	<i>50 стр.</i>
<i>Живой, но мёртвый</i>	<i>52 стр.</i>
<i>Крылья глины</i>	<i>53 стр.</i>
<i>Именование: вид из смерти</i>	<i>55 стр.</i>
<i>Начало</i>	<i>59 стр.</i>
<i>Возвращение к преследованию</i>	<i>63 стр.</i>
<i>Заключение</i>	<i>67 стр.</i>
<i>Уровни человеческого опыта</i>	
<i>Поток</i>	
<i>Согласованная реальность</i>	
<i>Страна воображения</i>	
<i>Сознающая сфера</i>	

Предисловие

Это книга о путешествии автора на Мальтийский остров Гозо продолжительностью около месяца; в ней описаны пугающие симптомы внутреннего и внешнего порядка, которые предшествовали осознанию автором наличия у него ракового заболевания. Описание соответствует жизненному процессу, в котором переживания некой навязчивой реальности момент за моментом являются борьбой между жизнью и смертью. В последний день перед отъездом автора с острова, в аэропорту, появились первые физические симптомы быстро развивающегося рака предстательной железы. Многие необычные явления, описанные здесь, представляют смешение реальности грёз и сновидений с обыденными событиями, что, в конечном счёте, и проявляется как реальная физическая болезнь, называемая раком. Переживания автора и использованные им методики проливают свет на следующие вопросы: существует ли связь между физической болезнью и воображаемыми впечатлениями? Каковы те тонкие внутренние ощущения, которые могут предшествовать или способствовать серьёзной физической болезни? Возможно ли победить болезнь путём работы на тонком физическом уровне? Эта книга обеспечит путешественника, заинтересованного в беспристрастности, самолюбии и свободе, картой болезни, которая сама по себе является картографом. Она призвана помочь в понимании скрытой природы и причин психического и физического заболевания. Это путешествие в другие миры, где вы встретитесь с явлениями, которые могут создавать угрозы и ловушки, волнения, удовольствия и превращения – и смерть.

Исцеление – это успех команды, включающей не только самого пациента, но и близких, семью, друзей, и всех профессионалов в области целительства, участвующих в гонке с препятствиями в ходе болезни. Исцеление – это сложный процесс, включающий аллопатическую медицину, выбор стиля жизни, множество альтернативных приёмов, и, в не меньшей степени, практическое осознание взаимодействия между физическим телом и тонкими внутренними сверхфизическими явлениями непричинной природы, описанными здесь – мы нуждаемся в таком осознании. Это прямое взаимодействие с аспектами симптомов, полученных через сновидения, которое детализировано на следующих страницах, и которое, как автор верит, спасло ему жизнь (ко времени публикации физические симптомы, называемые раком, полностью исчезли).

Это книга об изменениях и превращениях, поэтому написана она большей частью в настоящем времени и опытным путём: автор полагается охотнее не на теоретические разъяснения, а на непосредственное восприятие в моменте. Некоторые читатели пожелают, возможно, получить сначала теоретические знания об аналогичных явлениях. В таком случае им следует обратиться к заключению в конце книги, иначе - продолжить читать отсюда. Дальнейшее содержание - не похожие на что-либо, но вполне реальные события, пусть временами и необычные.

Противоборство

Повсюду люди, снующие во всех направлениях, иностранцы проездом в чужой стране, блестящие магазины с мраморными полами, бесшумные ковровые покрытия – всем этим заполнена атмосфера. Я в ярком захватывающем мире на международной земле. Время 6 часов утра, я нахожусь в Лондонском аэропорту Гатвик и полон возбуждения от начала моего ежегодного отпуска. Я чувствую себя школьником в начале новых приключений, будучи не в силах терпеть ожидание. С трудом сдерживаемые приступы восторга прорываются во мне изнутри; никогда в своей жизни я ещё не предпринимал ничего подобного. Песня звучит во мне в этой атмосфере предвкушения: “Подписан, опечатан, доставлен, я твой”. Эта песня могла бы жужжать в моей голове ещё три дня. Я чувствую, что эта навязчивая песенка что-то сообщает лично мне. *Кому я принадлежу? Кто принадлежит мне сейчас?* Скорее, чем ожидалось, я в воздухе, и вот, моя мечта сбылась. В 11:30 я прибываю в аэропорт на Мальте, прямо к горячему солнцу, хотя на дворе октябрь – дома люди дрожат сейчас от холода. Возникает, однако, затруднение, когда я обнаруживаю, что мой чемодан всё ещё в Гатвике; ждать его пришлось бы до 4 часов пополудни следующего дня. Всё-таки я покидаю аэропорт, а снаружи меня ждёт такси, чтобы отвезти к парому. После сорокаминутной переправы я в другом ожидающем такси на острове Гозо; наконец, ещё через десять минут моё путешествие длительностью в восемь с половиной часов заканчивается.

Я получаю квартиру в Марсалфорн, Гозо, это моё жилище на месяц, и немедленно иду прогуляться вблизи гавани. Жаркий солнечный день, который, видимо, определит норму погоды большую часть моего пребывания здесь, прекрасен, но моё сознание где-то в глубине. С высот невероятного оптимизма утреннего предвкушения я скатываюсь к абсолютно противоположным ощущениям. Сидя за поздним ланчем прямо перед морем, я гляжу на купальщиков и бесцельно шатающихся гуляк. *Что я сделал?* Жизнь на отдыхе выглядит весьма скучной. Я вижу, как часть людей выискивает, чем бы им заняться, хоть чем-нибудь; другие лентяйничают за чтением книжки, чтобы заполнить день; некоторые стараются найти что-то новенькое, например, лодочные прогулки или дайвинг; кто-то просто барахтается в воде; но каждый выглядит обособленным, и все плывут по воле волн, хотя и довольны. В целом картина убогая – человечество тщетно стремится к выживанию. Как бессмысленно всё это! Здесь я в “райском уголке” вследствие коварного толчка дурного воображения, вскормленного в жалкой атмосфере. Конечно, я точно так же растратил годы в мечтах и в бегстве от самого себя – и к чему всё это привело, только к адской пустоте и потворству.

Поскольку я встал сегодня рано, в 4 часа утра, чтобы поспеть к моему рейсу, я решил вернуться в свою квартиру, полагая, что моё настроение расстроено усталостью. Возможно, мне нужно немного поспать, чтобы взглянуть на вещи в другом свете? Я проспал беспробудно около часа и проснулся в полном кошмаре. Те же ощущения, что перед сном, но ещё более сильные, вернулись: моя душа ушла в пятки. Волна *“Что... я... сделал?”* прокатилась по мне. Я не могу в это поверить. *Я не настолько состоятелен, чтобы так поступать; я не могу позволить себе уехать и провести в бессмысленном существовании целый месяц; как глупо сделать это и потом возненавидеть себя за то, что я здесь.* Я просто обезумел; я не могу представить, что

я должен провести в этом заточении неделю, не говоря уж о двух, а, тем более, месяце; я чувствую пронизывающую дрожь во всём теле, когда думаю об этом. Отчаяние и уныние выступили с такой силой, что полностью обнажили передо мной ужасную реальность – я чувствую себя паразитом в раю.

Я встал, сделал чашку чая и отбуксировал себя к балкону с видом на залив. Не могу рассказать вам, как жалко я себя чувствую; я нахожусь на третьем этаже, в прекрасном месте, с которого обозреваема вся гавань, но это не имеет никакого значения. Я наблюдаю за группой пловцов внизу, снующих, как стаи рыб под ними, они все вместе подвешены выше песчаного дна и бирюзовых скал Средиземноморья, в то время как пустота давит на меня сильнее, чем обычно. Какая-то тяжесть погружает меня внутрь себя самого, но одновременно я ощущаю себя нереально пустым, как оболочка с вытекшей из неё жизненной энергией. Спустя пару долгих часов этого ужасного состояния одна мысль завладела моим вниманием. Поначалу почти незаметно, но что-то как будто облегчало моё состояние. Посреди уныния и бессвязных ощущений я вдруг обратил внимание, что я лишён старых дел и привычек, которые были у меня дома; старые вещи обычно позволяли мне отвлечься от этой чудовищной пустоты. По крайней мере, было бы хоть что-то реальное посреди этой бессмыслицы. А здесь нет ни телевизора, ни режима питания, ни взаимоотношений с родными. Моя работа в виде ежедневных привычных размышлений и действий также в прошлом. Нет никаких целей, к которым можно было бы привязаться. Но в этих размышлениях есть всё же что-то успокаивающее, то, что позволяет мне воспринимать мир со сталью во взгляде. Так или иначе, я оказался более связан с чистым бытием, чем с привычными формами, которые до сих пор служили мне опорой.

Однако, меня вновь охватывает тяжёлое расположение духа. Твёрдая сталь превращается в некое содрогающееся желе от внезапного ощущения, что облегчение было просто слабым проблеском чего-то неуловимого. Я вновь окутан чувством вины и сожаления, вины в том, что приехал сюда, вины в отсутствии доходов, вины в бесполезной трате времени, вины в лени, вины в виновности – виновен, виновен, виновен. Моё сознание бьётся где-то в самой моей глубине, на дне, оттого, что идти некуда, и надо сидеть здесь, страдая до дрожи от всего этого. А спустя ещё какое-то время новое чувство позволяет мне воспрянуть; слабый проблеск надежды на дне удушающей ямы. До меня доходит осознание смысла этой разобщённости, которая является таинственным намёком на свободу наблюдения изнутри за всей этой внешней банальностью. Я ощущаю сопротивление с собственной реальностью, когда постепенно останавливаю свой нормальный мир, сопротивление с пустотой, которая странным образом осязаема. Возникает реальное ощущение того, что в этом пространстве, созданном остановкой обычного хода жизни, может случиться нечто чудесное. И снова, когда появляется маленькая надежда, противоположность вторгается как какая-то гигантская волна. Она уносит от меня спасительное чудо, поскольку просветление внезапно потеряно, и я снова в тёмной, промозглой яме.

Следующий день до 4 часов пополудни я провёл в ожидании в своей комнате. Мой чемодан где-нибудь в Гатвике, или над Европой, или в аэропорту Мальты. Уже третий день на этой жаре я вынужден носить одежду, в которой приехал. Наверное, какие-то люди занимаются этим, но я не могу позвонить и узнать, телефон туда не работает, и не могу покинуть комнату, боясь пропустить звонок. Это затруднение лишь часть

безысходности в целом, лишь один аккорд в медленной, звенящей, тягостной симфонии. В конце концов, Антонио, агент по сдаче внаём, звонит и сообщает мне, что мой багаж в вертолёте между Мальтой и Гозо, и будет здесь без четверти четыре часа. Уф, наконец, чистая одежда!

Я использую шанс, чтобы вырваться, поехав с Антонио в Викторию, столицу острова, и отвлечься от “райского уголка”. Слава Богу, это рабочий город, где люди делают что-то целесообразное, а не плавают кругом подобно дрейфующим водорослям, осуждённые на безысходное довольство.

Пункт первый: вы ведёте обычную жизнь в кругу своих близких; пункт второй: вы бросаете эту жизнь, уезжая в отпуск, по сути, в тюрьму, теряя вашу работу, становясь больным, инвалидом или кем-то в этом роде; пункт третий: или вы возвращаетесь назад к привычной жизни, в пункт первый, если можете, или идёте вперёд, в неизвестность, какова бы она ни была, или остаётесь в заточении в пункте два. Пока я не определился, по какому пути буду двигаться в следующие двадцать семь дней.

В Виктории я взял напрокат велосипед.

“Оплатите полтора фунта в день, и я дам Вам велосипед”.

“Сколько это лир?” – спрашиваю я.

“Здесь лиры это фунты”.

Это очевидное наследие британского правления. На Мальте множество того, что носит британское клеймо.

“Хорошо, у Вас есть фары для него?”.

“Нет, они не нужны, у Вас есть отражатели, и машина их увидит”.

“Как насчёт полиции?”.

“С полицией нет проблем, но не напивайтесь, можете врезаться в машину, это нехорошо”.

Он делает покачивающее движение рукой; он улыбается во весь рот, изучая меня из-под бровей. Я пытаюсь сдержать собственную улыбку, мне тоже хочется улыбаться, несмотря на то, что я подавлен. Он старый плут; уличный психолог, который может дать мне напрокат машину, скутер, велосипед, а возможно, и осла, если бы я захотел – конечно, по “правильной цене”.

Я объезжаю высокий холм, стремясь познакомиться с планировкой города и найти, где здесь магазины; в конце концов, я пробуду здесь какое-то время. Небольшой центр Виктории с главными магазинами окружён очень узкими улицами; они достаточно широки для осла, но не для машины – машины не разойдутся. Я захожу в специализированный магазин, где продают телевизоры. Я хочу взять телевизор напрокат, чтобы можно было в любой момент отвлечься от своих беспрестанных, несчастных мыслей, и оставить пловцов и праздных купальщиков под моим балконом соревноваться в неизвестности – я хочу вернуться в пункт первый. Я обнаруживаю, что нужно сделать в моей комнате кабельное подключение для просмотра англоязычных программ, но, что меня опять таки угнетает, это стоит очень дорого. Так значит, назад, к противоборству с самим собой и пункту два. Кто же захочет скучать перед телевизором любой ценой?

Пустое облачение

В эту ночь, по окончании моего второго дня здесь, я лёг в постель около 11 часов вечера, по-прежнему обременённый чувством безнадежности. Заснул я быстро, и почти сразу же начался беспокойный сон. Мне снилось, что я стою в коридоре этой комнаты почти в полной темноте, в лёгком ужасе оттого, что вижу мужчину с головой в клобуке, направляющегося ко мне. Я замер в страхе, но он всё приближался, и затем, к моему потрясению, вошёл прямо в меня. Какой это ужасный, отвратительный кошмар - знать, что что-то проникло в твоё тело, и во мне всё содрогнулось от страха и отвращения. Я проснулся в небольшой панике, всё ещё дрожа. Я был изумлён тем, что нечто вошло в меня, как будто мной овладело что-то дьявольское. Большую часть дня я думал об этом сне; что, однако, в такой ситуации ещё можно сделать, нежели просто думать об этом; необходимо использовать всё возможное, чтобы проникнуть в смысл этого, иначе оно будет преследовать вас – меня будет. По моему убеждению, лучше самому овладеть сном, чем позволить ему овладеть тобой, да и времени у меня было в избытке. К полудню я решил восстановить события в реальности, в надежде обрести новые идеи относительно всего этого и, может быть, найти какую-то связь с моим расположением духа.

Я решил встать в прихожей в той же позиции, какая была во сне. Я попытался вновь вообразить тёмную фигуру, приближающуюся ко мне. Я вижу его приближение, и моё тело ощущает реальность происходящего, реагируя на него потоками энергии вверх и вниз вдоль моей спины – жутко. В эмоциональном отношении я как будто снова во сне. Стоя в тёмном коридоре, я позволяю воображаемой фигуре медленно приблизиться и войти в меня. Волны энергии возрастают, когда я чувствую его тёмное, трудноуловимое присутствие. Я позволяю этому чувству подержаться какое-то время, но так, чтобы сохранять в реальности мою нормальную идентичность; я всё ещё чувствую себя самим собой, так, что он не способен завладеть мною. У меня возникает новая мысль: постараться переключиться на то, чтобы стать им – его энергия могла бы дать мне новую перспективу. Подбадривая себя, я занимаю позицию в конце коридора, там, откуда он вышел. Поддерживая в себе чувство, что я в другом теле, я медленно иду к истинному себе с закрытыми глазами, имитируя ещё большую темноту.

Двигаясь, я отмечаю, что ощущаю себя как старый монах в чёрном облачении с клобуком на голове. Присутствие мощной энергии заполняет меня, пока я иду, но физического тела как будто нет, облачение пусто. Какое-то сознание есть внутри одеяния, но это сознание пустоты, не совсем “ничто”, но тот вид сознания, который не привязан к чему-либо – холодное, безразличное, пронизательное сознание. В любом случае, определённо, я - невидимый монах. В качестве монаха я приближаюсь, вхожу в собственное тело, и происходит нечто великое. Осуществление входа становится началом реальных изменений в моей плоти и крови. В этот момент происходит опустошение, выпадение из моего собственного тела, и все мои беспокойства разом заканчиваются: чувство вины, страх, тревога, раздражение, огорчение, приступы болезни, всё пустеет, какие-то каналы прочистились и промылись – восхитительно, облегчение, абсолютное освобождение! Из мыслящей личности я стал непосредственной реальностью, по-другому не скажешь - я то, что есть. Возникает

порыв немедленно открыть глаза и оглядеться. Моё тело трепещет, когда оно медленно поворачивается лицом к гостинице и к окну с видом на Марсалфорн в ярком солнечном свете. Всё остаётся пустым, но это ошеломляющая пустота, полная восторга. Это сокрушительный момент глубокой близости, в котором соприкосновение со спокойно бьющимся сердцем, с нежной плотью, и в котором только восторг и непомерная любовь к человечеству.

Мир изменился. Будучи свободным, я могу теперь постичь существо жизни и оценить её танец. Я ощущаю себя в сердцевине родства с самой жизнью и, в то же самое время, остаюсь беспристрастным по отношению к обыденному миру. Люди вовне, которые раньше сильно угнетали меня, такие, как “пловцы”, теперь исчезли, так же, как и тирады сожалений, которые я бросал себе. Пловцы в заливе ещё купаются, но теперь я чувствую только любовь, глядя на них. Я не думаю о будущем и не помню о прошлом, я просто пуст и свободен. Произошло чудо, которого я так долго ждал, и в котором отчаянно нуждался. Жизнь стала гастрономическим наслаждением; светлое и воздушное суфле подано для обновлённого разума, и я голоден. Размышляя об этом позже, я мог бы понять, что этот монах олицетворяет собой ту же самую пустоту, что я чувствовал по прибытии сюда; но я охотнее живу в ней, нежели страдаю от неё, сам обладаю ей охотнее, чем даю ей обладать мной.

Чтобы реализовать весь потенциал, требуемый моим побуждением в начале поездки на этот остров, я должен был пройти через депрессию и потерю собственной идентичности. В середине этого ужасного состояния я имел только проблески сознания, насколько затруднительным было моё положение; я понимал, что сам служил лишь материалом для созидательной работы. Эти проблески указывали также на почти ничтожное состояние разума, который создавал реальность заново. Связь между творцом и материалом единственно жизненная связь, для неё материал должен подчиниться молниеносному акту творца – материалом, в данном случае, была моя идентичность. Когда, к примеру, ваше желание достичь какой-то цели терпит неудачу, тогда через боль разочарования вы можете осознать, что вы не творец собственной жизни, и в такой момент вы можете подчиниться освобождающей и неизменной осведомлённости неизвестного. Согласие между этими двумя сторонами это момент более поразительный, чем я мог бы рассказать о нём, возможно, привлекая в качестве аналогии, творение всего мироздания в его формах и бытии. Это работа волшебника, шамана; здесь творец, обрабатывая материал, формирует из него другую реальность. Конечно, такое формирование - это процесс между творцом и материалом. Всё это заставило меня почувствовать, что настало время перемен, время вступить на путь и идти, время творить, время быть невосприимчивым – время реагировать закончилось.

Облачения и покровы

Я прибыл сюда в среду, а сейчас утро субботы. День восхитительный, я еду на велосипеде в Викторию. Хочу поменять велосипед, потому что он дребезжит как стая гогочущих гусей, вперевалку идущих по дороге; встречный люд оглядывается на меня, чертыхаясь. У меня создаётся впечатление, что велосипед разговаривает сам с собой на гусином языке. Я слушаю, как переднее колесо делает “их, их, их”, затем педали

продолжают “ик, ик, ик”, а потом возникает ещё один загадочный звук откуда-то изнутри передней части рамы “гвак, гвак, гвак”, когда я управляю своим балансом и направлением движения. Это звучит, как вполне реальная беседа, интересно, какое участие мог бы принять в ней я. Однако, я осознаю неожиданно, что велосипед звучит в унисон с моим ужасным настроением – неизменно диссонирующие мысли, которые вводят меня в депрессию. Я решаю оставить это, игнорировать, не замечать, нельзя же размениваться по пустякам, уж лучше в велосипеде, чем во мне; надо же как-то освободиться от этого.

Мой дешёвый термометр показывает 36° по Цельсию, и я уже почти на холме по дороге из Марсалфорна в Викторию. С любой стороны дорога в Викторию идёт вверх, а из Виктории – вниз.

“В чём дело, чем плох велосипед?”

“Он очень шумный, очень скрипучий, я хочу поменять его на более новый.”

“Приезжайте в понедельник, я дам Вам другой. А хотите машину взамен?”

Позже я подумал, что лучше было потратить деньги на общественный транспорт, чем на его велосипед. Я обнаружил, что поездка из Виктории в любую часть острова обойдётся в 15 центов, и автобусы есть везде. Кстати, центы это центы, а лиры это фунты.

Ксленди, произносится как “Шленди”, конечный пункт моего сегодняшнего путешествия, был шестью километрами дальше Виктории, к счастью, с холма вниз. В конечном итоге, я прибыл туда еле живым после пересечения местности с самыми плохими дорогами, по которым я когда-либо ездил. Звуки были такие, как будто какой-то хищник затесался среди гусей, стремясь оторвать им головы. Но проблема была не только в дороге. Очень быстро я обнаружил, что все едут по одной стороне, по теневой; конечно, за исключением случаев, когда дорога слишком ухабиста, тогда все едут по ровной стороне. Нетрудно было спрогнозировать езду по ровной или теневой стороне дороги, но это Мальта – островное вождение – и невозможно спрогнозировать, какие водители спереди и сзади по какой стороне поедут, в дополнение к рытвинам. Один водитель такси ярко описал вождение на Мальте. “Они ездят как дикари” – сказал он, сильно подрезав другую машину, и заставив её водителя жать на клаксон до тех пор, пока мы не скрылись с его глаз. “Видите, что я подразумеваю под дикарями?”

Как бы то ни было, я добрался туда и понял, что, пробыв на Гозо уже четыре дня, ещё ни разу не был в море, здесь я только хожу пешком.

Море было как и везде, но водная поверхность была сильно волнующейся, и я немного боялся. Я приехал с прикрытой от ветра стороны острова со спокойной водой, а здесь нашёл условия, опасные для погружения с маской. Разочарованный, съёжившись, я сидел у причала. Впереди меня ждал трудный подъём обратно на холм по этой жаре, поэтому я решил немного посидеть. Недалеко от меня на причале я видел привлекательную японку среднего возраста, непринуждённо болтающую с симпатичным мальтийским юношей. Она явно флиртовала с ним, имея вполне определённую цель. *Дай Бог ей удачи.* Я уверен, что он достаточно хорошо воспитан, чтобы правильно оценить это. Японка: изящна, элегантна, тонкие ножки под длинной облегающей юбкой, кланяется почтительно – всё должно быть тип-топ. Примерно через час или около того я поднялся и начал долгий поход вверх по холму. Жара была сокрушительной – лучше всего идти пешком. Прибыв в город, я сел на скамейку на центральной площади и сразу же погрузился в сон. Я уснул вследствие жары и бессонной ночи с кошмаром. Проснулся

в ступоре, зацепившись между изогнутой спинкой и мягким сиденьем, с отвисшей челюстью, сползая в сторону. Я был все ещё в дремоте, которая никак не проходила. Какая-то группа русских туристов около 30 человек подошла и стояла прямо надо мной, разглядывая бродягу. *Странно, я не должен быть в России.* Кажется, это было место сбора туристов, гид пересчитывал их по головам, чтобы быть уверенным, что все на месте. В конечном счёте, с удовлетворённым гидом, все они быстрым шагом двинулись в другую сторону, иногда оглядываясь на скамейку со слюнявым любопытством.

Я медленно обошёл кругом и, в конце концов, сел погреться на солнышке. Вскоре мимо меня прошли несколько священников, затем их становилось всё больше, и их чёрные костюмы почти заслонили от меня небо. Это была целая шеренга священников, прогуливающихся по четыре, пять в ряд, в течение около сорока минут. Я читал, что здесь проходит какой-то международный католический съезд, и что на нём должны присутствовать около тысячи священников. Все они идут достаточно близко, чтобы ощутить запах пота. Лица чёрные, смуглые, белые, жёлтые, всех типов. От кого-то несёт виски, кто-то курит, возможно, есть и наркоманы, но вряд ли. Различаются и формами: большие, округлые с толстыми шеями и брюхами, одни высокие, другие низкие и плотные. Совсем старые, с прогулочными тростями и слуховыми аппаратами, перемешаны с молодыми, оживлёнными, демонстрирующими баланс самообладания и строгой святости. Туники и жакеты разных цветов, сносившиеся от веры и духовного воздержания; есть представители высоких сфер и просто обычные священники. Но никаких пустых облачений того сорта, куда я был вовлечён.

Есть мальтийцы – я вижу своими глазами, есть американцы – я слышу своими ушами. По некоторым признакам идентифицирую ирландцев, британцев, немцев, итальянцев, французов, испанцев, шведов, есть африканцы – из Нигерии, Гамбии и других стран. Есть японцы, австралийцы, китайцы, некоторые из Индии, Сингапура, Таиланда и Маврикия. Все они проходят медленно, группируясь, останавливаясь и вновь продвигаясь; туристы Бога, осматривающие достопримечательности на земле, где в них так верят. Процессия – это часть их призвания, их ежедневной рутинной деятельности, они делают это мастерски. Вся жизнь проходит здесь, вся жизнь, кроме женщин. Считается, что женщина может дать жизнь Сыну Божьему, но она ограждена от того, чтобы помочь людям понять, как это возможно. Нужно что-то делать с менструациями или со змеями...

Они всё идут. Прошло уже двадцать минут, а они всё проходят. Они выходят из церкви справа за площадью, шествуют через площадь, затем по пешеходному переходу, и вверх к цитадели, возвышающейся над городом. В этой процессии никто не толкается; две тысячи лет приобреталась эта сноровка. Здесь нет задир, никто никого не атакует, нет грубости, пинков и падений. Ни женщин, ни шаманов – орлов, волков, тигров. Нет, эта процессия упорядочена, благовоспитанна, предсказуема. Вы не найдёте здесь непристойных форм; врождённые манеры поведения давно вытеснены. В большей части чёрная колонна гуськом продвигается мимо, некоторые изучают меня, некоторые просто обозревают, большинство игнорируют. Две тысячи лет шествий, издревле одна и та же роль для тысяч различных тел, рас, наций. Я знал этих людей с юных лет, я помнил; они всегда имели привычку оправдывать грязные методы своих действий добрыми намерениями.

В итоге все священники прошли, а позже исчезли и другие туристы, и площадь опустела, лишь несколько детей продолжали играть. Я сидел там довольно долго, наслаждаясь их весельем. Наступила ночь, и я решил возвращаться домой на своей стае гусей, притихших, пока я не сижу на них. Тепло как обычно, на мне старые сандалии, рубашка с короткими рукавами, на которой закреплён рюкзак, и мои старые запylённые коричневые шорты. Цикады пульсируют и стрекочут, ночной воздух звенит от высокого давления, как тихий колокол в насыщенной ароматами атмосфере. Когда я иду по тускло освещённым улицам и тёмной сельской местности, я чувствую себя в безопасности. Не боюсь ограбления или других неприятностей, обычно идущих от людей. Машины останавливаются посмотреть, в порядке ли я, или предложить мне помощь.

Прогуливаясь, я размышляю о безопасности. Общество здесь здоровое, мужчина может смотреть на детей с восхищением, просто любясь ими. Там, дома, атмосфера мучительно тяжела, насыщена подозрением, сильно давление разных инструкций. Там вы не можете долго радоваться невинности детей, потому что подумают, что ваши побуждения уклончивы. Здесь детьми все восхищаются и любят их. Это легко объяснимо более здоровой атмосферой. Я мог бы ехать на своём велосипеде, но я не хотел спешить, спокойно прогуливаясь в одиночестве при свете луны, раздумывая, тепло размышляя, и отклоняя все предложения подвезти меня.

Останавливает... Останавливает... Остановило

Позже этим вечером моё дурное настроение вернулось, и я утратил всякий контакт с монахом. Пустота всего происходящего вновь стала давящей, и я не был способен представить, как я проведу здесь оставшиеся три с лишним недели. Я не мог отказаться от позиции самокритики, от настроенности на то, что не выдержу так долго треклятое течение времени. Я снова погрузился в себя настолько, что мог бы исчезнуть позади моей собственной внутренней дрожи. *И, к тому же, разве я не наслаждался вчера этой пустотой? Разве я не позволил населить себя духом, который, в сущности, есть высвобождение, есть что-то далеко за пределами самого меня, который борется, который работает, который несёт ответственность за смысл?* Я чувствую, что живу в двух противоположных мирах в одно и то же время. Кажется, моё обычное сознание управляет одной частью, той, что имеет местопребывание в велосипеде со всеми его диссонирующими звуками. Другая часть – это мир пустого монаха, который держится на ничто, сам по себе есть ничто, но готов воскреснуть в любое мгновение. Мыслитель непрестанно обдумывает и старается оценить значение этих четырёх недель. *Что полезного я делаю? Оплатит ли это счета? То или это интересно? Мне скучно? Долго ли я буду здесь, долго ли мне ездить? Как мне обходиться со всеми этими пустыми днями? И так далее.* Вновь и вновь я приношу себя в жертву этим безнадёжным мыслям и чувствам, которые не приносят ничего, кроме безысходности. Каждая мысль противостоит последующей, разум разделён сам с собой. Я в перевёрнутом вверх дном мире, где пустота и тупость соприкасаются с глубоким пониманием и смыслом, но размышления и анализ ведут меня прочь от самого себя, в ловушку депрессии.

Я основываюсь на том, что “самоосмысление” формирует целостную структуру сознания на протяжении всего детства. Сначала вы учитесь говорить. Вскоре вы обнаруживаете, что слова многозначны и, следовательно, ваша ценность зависит от того, как вы мыслите. Вам доставляет удовольствие быть полезным, приятным и желанным, или вы толкаете свою сестру в спину, когда она принимает чью-то благосклонность. Таким образом, вы начинаете своё путешествие через лабиринт значений слов. Затем учителя и другие авторитеты требуют от вас строгой приверженности пути, который ведёт прочь от самого себя. Я сам учился и согласился со всем этим без вопросов – должен был. Позже слова помогают вам устанавливать взаимоотношения с другими людьми, привлекать их или отталкивать. Вы наблюдаете за вашими знакомыми, улыбаетесь, приспосабливаетесь, приноравливаетесь, или протестуете, и всё в ажуре, вы кончите там, где вы есть – возможно, за тысячи миль от вашего дома.

Мир не кажется правдоподобным в той реальности, с которой я соприкоснулся в пустоте. Я не доверяю моим собственным ощущениям, настроениям и ещё менее знанию, что мир в пустоте умирает; нет, разрушается парадигма. Обычный мир, описываемый словами, в глубине ощущается нереальным, иллюзорным, отсутствующим. Этот мир, основанный на представлениях других людей, и не был никогда для меня реальным; всё это лишь рефлексия. Мир монаха – мифический, изменчивый по форме, нечто несуществующее – поразительным образом, более основателен, и однажды реализованный, он устрашающее реален.

Где монах? Возможно ли восстановить это переживание и опять соприкоснуться с ним? Я решаю снова почувствовать это обращение в монаха. В своём воображении я набрасываю на плечи пустое облачение и прошу помощи от этого духа. *Я не в состоянии справиться с этим один. Это не для меня, моё мышление слишком неадекватно.* Со всем этим я обращаюсь к некоему воспоминанию, к пустому монаху. Наконец, голос рассудка и анализа начинает смолкать, поскольку толчком возникает сознание из пустого, но реального ощущения. Жизнь снова натывается на себя, за пределами моего обычного понимания. Пустота - это привлекательный процесс мышления, как ни суди о нём; здесь анализ начинает слабеть, и рассудок медленно уходит, затихает. Что-то приближается извне: толчок из иного, безусловно, за гранью сознания. Это маленькое... мягкое... распространяется... медленно... крошечное. Его шёпот тихий, такой тихий, ...он успокаивает, мягко смыкает глаза... привлекает... длится... приближается – это ничто мягко останавливает меня... Останавливает меня... Останавливает... Остановило...

Пустота - это всё, что здесь есть, и она кажется размытой поверх мироздания, а я чувствую себя освобождённым. Она тянется, затем уходит, оставляя отпечатки, следы, чувство удовлетворения. Она ушла, но оставила что-то гораздо большее, чем просто память. Этот дух не личный, не уникальный или выдающийся, но обыкновенный, доступный каждому. Люди в сверкающем ресторане внизу моего балкона знакомы с ним; они наслаждаются им во сне, однако – нужно заснуть. Какие-то строки – молитва, возможно, песня – приходят.

Пустота, о, зеркало пустоты, ты населяешь сама себя с решительным пониманием, Мыслительные процессы следуют за тобой.

Осуществление пустоты и “ничто” – всё, чего ты требуешь.

В чём ты могла бы нуждаться, куда ты могла бы пойти?

Подписан, опечатан, доставлен, я твой.

Теперь я понимаю смысл песни, которая звучала в моей голове “Подписан, опечатан, доставлен, я твой”. Я думаю, это песня Элтона Джона. Я выбрал пустоту; я могу бороться за самоконтроль, бороться за эгоцентризм, бороться за то, во что я верю, и что хочу делать, но на самом деле я принадлежу монаху, этой пустой неизвестности. Если его принять и оживить, он приносит свободу, если избежать, он становится Мрачным Жнецом, который подкрадётся и отнимет мою жизнь – лучше легко расстаться с индивидуальностью, нежели потерять плоть в противоборстве. В качестве творческого импульса монах/ Мрачный Жнец по умолчанию должен разрушить идентичность путём чистого сознания. Это безопасно, однако, если таковы и ваши намерения.

Но я устаю от этих размышлений и вновь обращаюсь к своим поискам. Вскоре равновесие возвращается ко мне опять; в нём тесная связь между “ничто” снаружи и зеркальным отражением “ничто” внутри. Свершилось ожидаемое, которое было совершенством в себе самом. С этого момента внутренний мир начал возвышаться, но вновь слегка понизился под влиянием пустоты, ещё раз к точке покоя на бегущей волне – мой жизненный путь, возможно, короток: путь, который вечно возвращается к финишу. С этими мыслями я заснул, и вскоре чёрный медведь, размером с меня, приблизился ко мне, обхватил своими лапами мои плечи и направил к себе. Он нежно приложил свою голову с вытянутым носом прямо к моей щеке. Он держал всё своё тело с роскошным чёрным мехом в самой интимной близости к моему телу. Во внутреннем и внешнем ничто, которые слились перед сном, человек и медведь были единым целым, и в мире сна ожидание свершения закончилось так же – природа, рефлектирующая природу природы.

Мир сна – кажущаяся пустота, вакуум – ощущается полным активности, таким полным, что весь физический мир с его звёздами, камнями, всякой живностью, любовью, потерями, одиночеством и покоем является только побочным продуктом этой активности. Когда я просыпаюсь, то мне кажется ясным, что чернота медведя это символ ни-что, аналогичный пустоте монаха.

Я достиг на этот момент в своих поисках того, что приблизился к влиянию глубокого сна на моё тело. Я могу передохнуть; всё в полном порядке. Хотелось бы описать это более ясно, растолковать, но я не могу. Я бодрствовал большую часть ночи, и теперь я слышу купальщиков внизу; это воздух, насыщенный солнечной энергией, звучит их голосами. Мир ощущается изобильным, полным удовольствий, но я далёк от того, чтобы плавать. Я чувствую себя как ребёнок, с полной ответственностью отказывающийся от взросления. Снова домой, домой, с бешеной скоростью, со стуком копыт.

Утонуть среди воздуха

Несколькими днями позже я решил предпринять ещё одну попытку погружения с маской, но на этот раз на моей стороне острова – со спокойной водой. Спускаясь по лестнице, я встретил моих новых соседей, которые только что прибыли провести недельный отпуск. Мы обменялись приветствиями и разошлись. Они плохо закрыли наружную дверь, поэтому мне пришлось запереть её за собой в целях безопасности, всё-таки я основной владелец. В конце концов, я пробыл здесь уже несколько дней, и я знаю лучше, как

обстоят дела с этим. С ключом в моём кармане, с трубкой и маской в моей сумке, я разыскал самое лучшее место, где можно поплавать. Проходя мимо четырёх качающихся голов, я осознаю, что уже видел их в этом же месте час назад с моего балкона. Я вспомнил, что они были здесь же и вчера, может быть, они обосновались в этом месте на весь свой двухнедельный отпуск? Они смотрелись точно так же, как буйки вокруг них; надеюсь, что какой-нибудь моряк не перепутает их. Вода здесь такая тёплая, что совершенно безразлично с точки зрения температуры, плавать под водой или гулять по пляжу. Мне рассказывали, что в ноябре вода теплее, чем в мае или июне. Очевидно, она прогревается в течение всего лета.

В конечном счёте, я достигаю своего места на линии моря, пробую, не спеша, войти в воду с надетыми ластами и трубкой, и мягко скольжу в воде, фокусируя взгляд на морском дне. Каждый раз, когда двухдюймовая волна проходит над моей головой, я начинаю паниковать и ловить воздух. Паника возникает по той причине, что мне кажется невозможным дышать под водой, даже с помощью трубки. Я никак не могу взять в голову, что всё хорошо, вероятно, я просто трус. Как бы то ни было, я пытаюсь продолжать ещё около десяти минут, а затем сдаюсь, выхожу из воды и сижу на линии воды, раздосадованный и разочарованный. Но это был лишь меньший повод для раздражения. Если бы я знал, что потерял ключ от моих апартаментов. Должно быть, он выплыл из кармана моих плавок, когда я боролся с водой. Сегодня, в воскресенье, арендодатели закрыты, а у меня нет ни денег, ни возможности достать их. К тому же, я обнаружил такое положение вещей не сразу, а позднее, к вечеру.

Почему я не могу нормально дышать через трубку, неужели я такой неумеха? Я был расстроен. Выискивая доводы в свою защиту, я подошёл к возможной причине. Может быть, это мой ринит? Хронический ринит - это синдром блокировки носа. Причиной его возникновения вначале были аллергические реакции, теперь же он стал хроническим и сильнее всего проявляется по ночам. Во время сна моё дыхание обычно затруднено и может иногда вообще прекратиться на несколько секунд.

Если у вас ринит, почти невозможно что-то с ним сделать, как-то разблокировать его, он просто невыносим. Я вынужден был работать с ним прошлой ночью, работать почти всю ночь, поскольку я считаю, что болезнь создаётся отчасти нами самими, а отчасти глубинными процессами, происходящими в сознании. По моему мнению, мы вполне способны вылечить себя сами, но таблетка помогает скорее, чем эта наша работа. Необходимые препараты были в моём задержанном с багажом чемодане, а я ещё не получил его. И тогда, когда у меня будет спрей для носа, даже в таком тёплом климате я предпочёл бы им воспользоваться. Это немалая проблема, поскольку почти невозможно постоянно жить с заложенным носом. Это похоже на пытку, когда вас зажимают, душат хлопковой или шерстяной тряпкой так, что вы не можете освободиться от неё. Сейчас для меня ясно, что болезни, от которых мы страдаем, отражаются в нашем поведении. Боль может заставить меня поступать и вести себя так, как сама боль, если она длится достаточно долго. Поневоле становишься раздражительным. Если у вас вечно заложен нос, как вам это понравится? Заложенный нос делает заложенным разум, делает вас обособленным. Простуда или грипп могут стать причиной заложенности носа в течение недели или двух, но страдания год за годом, в любой сезон, заставят вас жалеть самого себя – меня заставляют. Это ведёт к клаустрофобии, это становится причиной паники.

Прошедшая ночь была особенно плохой, но что можно изменить? Просыпаешься снова и снова расстроенным. Поскольку это повторяется часто, может быть, постараться изменить линию поведения, чем стремиться избавиться от этого; может быть, не реагировать на это. Мой подход заключается в том, чтобы постараться усилить то, что приносит болезнь, например, самому ещё сильнее перекрыть дыхание. Звучит, наверное, глупо, но, если ваши нос и разум заблокированы, то почему бы не пойти путём отождествления с блокировкой. Я пошёл этим курсом, мотивируя его тем, что природа создаёт болезнь и, следовательно, она мудрее, или, по крайней мере, играет в другие ворота, нежели мои восприятия и реакции. Когда возникает симптом, я держу свой рот закрытым, пока могу это выдержать, в надежде, что появится связанное с этим ощущением движение или образ. Тело реагирует таким образом, что, если вы зажимаете свой нос и не дышите какое-то время, вы можете заметить еле уловимые образы, звуки или странные ощущения. Другая точка зрения – тело излечивается само или раскрывает свои загадки, воспроизводя те же самые процессы через другие каналы опыта. К примеру, если у вас сильная головная боль, и вы фокусируетесь на ней, то можете увидеть острый кинжал. Теперь этим кинжалом можно было бы сделать колющее движение. Разыгрывание этих образов и движений может трансформировать ощущение болезни и доставить это сообщение целостному сознанию. Делаете резкое движение рукой, как головная боль и её образ, кинжал, и вы даёте вашей личности нечто, что делает её тоньше и острее в жизни, и предполагает, что вы ухватываете мудрость самой болезни. Один мой друг научил меня такому подходу к этим вещам.

Нормально в этом состоянии удушливости держать рот открытым для дыхания. Но каждый раз я держу его закрытым. Я жду роста клаустрофобии до точки, в которой я должен открыть свой рот – вершина срыва, разветвляющаяся на просветление в моей голове и потрясающие телесные ощущения. Одна ноздря заложена полностью, другая свободна процентов на десять от нормы, паника растёт катастрофически. После каждой подобной попытки я всё больше и больше становлюсь жертвой; это досадно. Тем не менее, я сознаю, что не я реальный создатель болевого ощущения, я просто усиливаю это чувство, усиливаю жертвенность. По опыту я знаю, что в болевом ощущении есть нечто полезное, но как обнаружить это? Вот я в постели на спине, в темноте, лежу неподвижно, как просветлённый кондуктор, ждущий крушения. Новая мысль приходит: почему бы не использовать мои руки для развёртывания процесса, вместо того, чтобы терпеть мучения? Можно попробовать это, если хочешь достичь болевого ощущения, чтобы исследовать его. Имитируя процесс в носу, я сжимаю левую руку в кулак, а большим пальцем правой руки проникаю внутрь сжатого кулака, между большим и указательными пальцами. Когда я так делаю, то создаю в моих руках давление, подобное тому, что в моём носу. Это немного похоже на театр, закупорка выведена наружу – разыграна руками. Таким образом я дистанцируюсь от боли и больше не чувствую себя жертвой. Но, в конце концов, и это не работает; я должен найти другой подход.

Всплывает ещё одна мысль. Что будет, если проделать аналогичную работу вне моего носа, вне моего тела, и даже за пределами моих рук? Чем отождествляться с клаустрофобией или блокировкой, может быть, лучше использовать изворотливость сознания и отождествиться с чем-то за блокировкой? Почему бы не отождествиться с комнатой, в которой я нахожусь? Сознание способно на это, оно не ограничено телом. Постепенно, спустя некоторое время, ко мне приходит доброжелательность, позволяя

мне отогнать рассудок и придать моему желанию решимость. Доброжелательность позволяет мне уменьшить свою индивидуальность, дать ей отпасть от меня. Я становлюсь более открытым для смысла, который есть нечто вне меня – нечто автономное, подвижное и обладающее сознанием. Я раскрываюсь, чтобы дать вещам привлечь моё внимание, охотнее, чем рассуждаю о них. Стены, дверь, тусклый свет, идущий через окно, поражают меня своей сущностью. Однако, реально ничто не происходит. Есть смысл сознания вне моих пределов, но ничто не меняется. Если мои ноздри откроются, я буду уверен, что я на правильном пути. Это обратная связь, которую я ищу. Я догадываюсь, что мир грёз может влиять на физическую реальность и изменять её; эта болезнь излечима с помощью тонких впечатлений, которые сопровождают её симптомы, поэтому я так упорствую.

Перед этим я продумал и выбрал для откровения темноту, но никакого ответа от неё не было. Я возвращаюсь в прежнее состояние и открываюсь ей заново. На этот раз что-то начинает происходить, что-то начинает отвечать. Я настраиваюсь на сознание в темноте и обнаруживаю свет и свободу вне меня. Начинаются шёпоты ничто, их близость меняется, что-то еле уловимое между телесными ощущениями и сознанием вовне; разум спокоен. Каждый раз рассудок пытается что-то понять и усвоить в тот момент, когда сознание отступает. Каждый раз, когда я отбрасываю рассудок и погружаюсь в темноту, смысл опыта возрастает. С помощью пустого монаха я развеял депрессию, а теперь я нахожу, что те же самые процессы темноты и 'инаковости' рассасывают физические симптомы.

Когда я отождествляюсь с темнотой или воздухом в комнате как с 'иным' или с 'не я', мой нос начинает хрустеть и открывается. Вскоре воздух устремляется через мои ноздри, как свежий бриз в открытое море – наконец, облегчение, свобода. Это заставляет меня думать, что симптомы приходят из внешнего пространства, из безбрежной пустоты, конфликтующей с нашей идентичностью, которая в таком случае блокирует внешнюю реальность, что и приводит к проблемам. Будучи реально самим собой, парадоксальным образом я должен быть 'не я'. Кажется, я сам подсознательно блокирую свой нос, когда идентифицируюсь с собой, как с отдельной мыслящей личностью; личность, отделившаяся от целого, препятствует сущности, которая её поддерживает. Она открывается, когда я отождествляю себя с Универсумом, когда я преклоняюсь перед тем воздухом, которым дышу, преклоняюсь перед сущностью этого всего. В моменте происходит следующее: я рассуждаю, тогда происходит блокировка; отбрасываю рассудок, тогда происходит открытие; рассуждаю, снова блокировка. *Как этот процесс протекает во всех других областях моей жизни, как он функционирует во взаимоотношениях, например?* Но мой нос немедленно блокируется, поэтому я отбрасываю его. Это сцепление между пустотой и личной идентичностью будет в ближайшие несколько недель серьёзно угрожать моей жизни; я буду нуждаться в совершенном понимании этого, чтобы выжить, и, несмотря на то, что я этого ещё не знаю, в этот момент я делаю именно то, что поможет мне выжить. Я лежу, крушения и потрясения исчезли, я чувствую экстаз, восторг, каждая клеточка моего тела испытывает удовольствие. Я быстро и мирно засыпаю.

Но теперь назад, на пляж, где он сидит с опущенной головой, пристально вглядываясь через гальку в прошедшую ночь. Время от времени он поднимает несколько камешков и просыпает их между пальцами. Рядом играют дети; брызги при входе в воду тут и там

достигают его ушей; умелые ныряльщики с масками кружатся неподалёку, их погруженные головы заняты другими мирами. Солнце жаркое, его свет высокий и сильный, море блестящее и сверкающее. Я доволен своей памятью, восстанавливающей ночную реальность здесь, на этом пляже, снова прикасающейся к чудесному 'не я'. Я наслаждаюсь сознанием того, что нырять с маской опасно; поглядываю вниз на морское дно – безопаснее пойти и утонуть.

Потеря

Всё ещё не сознавая мою проблему с ключом, я поднялся, оставил ныряльщиков в воде и медленно пошёл вдоль пляжа с целью исследования того, что за границей пляжа. Я прошёл мимо полицейского участка, подумав, что неплохо знать, где он находится, в случае, если это мне понадобится. Двигаясь вокруг залива, я быстро окунулся в тёплую воду на благодатном месте и затем начал свой путь вверх по склону клифа, чтобы посмотреть на Марсалфорн с высоких холмов. Я был в таком приподнятом настроении, что песня рвалась из меня наружу, что-то о творении из пустоты, непомерно бессвязное и беспорядочное. Я обнаружил автора песни, который называл себя Певучим Монахом, и мой живот забулькал и разразился смехом. После того, как моё сердце пропело, делая паузы только затем, чтобы не смущать фермера на его террасированных полях, я продолжил движение по краю холма и снова спустился в город. Я шёл вдоль набережной, прошёл мимо магазинов, полицейского участка, ресторанов и гуляющих людей, и вышел на скалистую сторону залива. Я сделал последний прыжок в воду перед тем, как подняться в свою квартиру.

Я резвился в воде минут десять и затем вышел. И вот тогда я обнаружил ужасную истину. С вершин экстаза я упал в глубины паники. Я искал ключи везде – как любой другой на моём месте – в моём кармане, в десятке или даже более карманов и отделений моей сумки, под бетонным сиденьем, снова в моём кармане, в сумке, под сиденьем... ничего. Одного взгляда вниз, в море, оказалось достаточно для того, чтобы не искать там. Возможно, я потерял его под сиденьем – ничего. Он, должно быть, в сумке... должен быть... нет, ничего. Я искал везде, только что не разделся догола, и по-прежнему ничего. *Остановись. Держись, сдерживай напряжение, не дай панике завладеть тобой, в мире бывают вещи и похуже.* Вскоре, немного остыв и сдержав реакцию, я заметил, что во мне что-то доверилось ситуации, доверилось потере. Однако, я ещё два или три раза повторяю рутинную процедуру поисков, и опять ничего. Наконец, я прослеживаю свои шаги, понимая, что шансов найти ключ нет, потому что он, должно быть, выскользнул в море, когда я был в плавках. Я даже не могу поверить, что я положил ключ в карман плавков – болван.

В конечном счёте, я пошёл в полицейский участок, надеясь, что они могли бы помочь мне найти контакт с владельцем квартиры. Я объяснил свою ситуацию с виду равнодушному молодому офицеру. "Что мне делать?" спросил я. Он посмотрел на меня немного рассеянно, "Я не знаю, это случается регулярно", указывая на банку, полную ключей позади него. У меня есть кое-какие идеи на тему, что делать, и я думаю, что у него есть кое-какие ответы на моё затруднение, но я также думаю, что он не хочет побеспокоиться обо мне, так что мы держим наши карты под столом. Я не хочу, чтобы

он вообразил, что у меня обилие ресурсов. Сегодня воскресенье, у меня нет денег, и я уже ищу глазами место на пляже, где можно провести ночь. Он, наконец, предлагает попытаться войти в мою квартиру другим путём и посмотреть, нет ли возможности попасть туда через балкон. Я согласен, но добавляю, “Если нет, то, может быть, попробовать по водосточной трубе”, давая ему понять заблаговременно, что он мог бы вызвать для этого какого-нибудь ночного грабителя.

Я иду и проверяю, есть ли кто-нибудь наверху, но нет, все ушли, и никто не отвечает на звонок. Глядя вверх на квартиры третьего этажа, непонятно, как туда можно подняться, и определённо невозможно перелезть с одного балкона на другой. Однако, я вижу возможное решение. Поперёк моего балкона тянется надпись “Сдаётся” с номером мобильного телефона. У меня нет ни ручки, ни бумаги, и я никогда не запомню номер на время до возвращения в полицию. Зато у меня есть идея. У меня в рюкзаке новая камера, поэтому я могу сделать фото надписи с номером. Однако, когда я делаю снимок, оказывается, что номер очень мелкий, и только позже я пойму, что мог бы увеличить его на снимке. Поэтому я пытаюсь его запомнить. Всю обратную дорогу к полицейскому участку я повторяю 079 357 2690... 079 357 2690... 079 357 2690...

Я знаю, что когда увижу полицейского и просто скажу, “Запишите это” перед тем как сообщить номер, я забуду последовательность цифр. Именно это и происходит. Я должен проделать всё снова, но на этот раз с ручкой и бумагой. Когда я возвращаюсь с номером, полицейский информирует меня, что мобильная связь невозможна из Марсалфорна – я представляю для него трудную работу. Однако, хотя и с неохотой, он звонит на другой участок, где возможна мобильная связь с владельцем номера, кто бы он ни был. Если это агент, маловероятно, что он будет там в воскресенье. Несколько минутами позже звонит телефон, и я разговариваю с владельцем. Через пятнадцать минут мы открываем дверь к паспорту, кредитным картам, постели и дому. Перед тем, как я покинул полицейский участок, моя немезида сказала сдержанным голосом, с расстановкой, “Не берите... ваши... ключи... плавать... больше”.

Любовник на всю жизнь

На следующие несколько дней я отказываюсь от велосипеда и хожу гулять пешком. Велосипед возвращается назад после его недельного проката. Мне кажется, в жарких странах я наполняюсь энергией; я не могу получить её достаточно от прогулок здесь. Каждый день мне говорят, что температура воздуха около 30°C, но мой термометр показывает 36°. Я купил его в магазине среди дешёвых безделушек за несколько фунтов. В нём есть и компас с красным пузырьком, бегающим по кругу, препятствующим сбалансированному на его игле указателю и останавливающим его вращение. Станным образом, я чувствую, что компас пригодится мне, ведь никто из нас не знает своего пути. На острове жарко и пыльно, ландшафт большей частью лесистый с опалённой и сухой растительностью. Дома, которые построены из обесцвеченного песчаника, обычно весьма просторные, с плоскими крышами. Люди используют крыши для сушки белья, вечером устраивают там барбекю или сохраняют тыквы, созревающие на солнце – зелёные, жёлтые, оранжевые – всех цветов. Многие дороги и окружающая

земля в селениях замусорены пластиковыми бутылками, бумагой и другим хламом, но дома обычно красивые, так и манят войти в них.

Если вы встанете спиной к морю в Марсалфорне и лицом к острову, то можете попасть в Викторию по одной из трёх дорог, две через гребень холма и одна через долину. Дорога по низкой долине - это прямой путь, по которому я несколько раз ходил и ездил на велосипеде. Она ведёт вас через симпатичную долину Марсалфорн с виноградниками и разного типа фермами. Вдоль неё проходит ложе сухой реки, которое служит признаком возможных внезапных проливных дождей и затоплений. Дорога идёт с умеренным подъёмом на вершину холма к Виктории или “Рабату”, как изначально назывался город. Другой маршрут берёт начало прямо из Марсалфорна вверх на гребень холма, который идёт через городок Зеббуг и, в итоге, после двух- или трёхчасовой прогулки, вы попадаете в Викторию. Слева из той же точки есть ещё одна дорога на другой гребень, который проходит через Ксагра. Эти оба города наверху долго тянутся вдоль пыльных кварталов с попадающимися время от времени магазинами здесь и там, и странными бездомными животными, спящими в тени – людей мало, но звуки эхо сильные. На обоих гребнях вы можете также увидеть спокойный голубой рельеф Средиземного моря в большинстве направлений обзора. Я полагаю, что люди строятся так высоко именно поэтому. Я не стал бы жить так высоко, однако, мне кажется, что они перебрались сюда недавно вследствие скупки домов иностранными покупателями. В строительном ажиотаже местные окрестности были использованы в качестве свалок. Старые, укоренившиеся городки в долинах прохладнее, потому что они построены компактнее, значительно чище и ухоженнее, так что покупайте жильё там, если хотите жить на Гозо. Вчера я шёл по правому гребню, а сегодня я держу путь через город Ксагра. У меня есть цель, пока я иду, незаметно, украдкой наблюдать; я хочу украсть спелый апельсин с дерева. Мне сказали, что сейчас сезон сбора апельсинов, но пока ничего не видно. Есть несколько зелёных плодов, но нет оранжевых. Прогулка с высматриванием апельсинов действует на меня хорошо, помогает победить депрессию. Я избавился от этой чёртовой депрессии, освободился, наконец. На этом острове, несмотря на то, что здесь живёт немало людей, селения разбросаны, что мне подходит; я испытываю блаженство от этого. В своих прогулках я зависаю повсюду, плыву по течению, позволяя вещам влиять на меня мечтательно. Я люблю Уолта Уитмена – он меня вдохновляет. Он говорит о безделье на открытом воздухе, говорит что-то вроде “Впредь оставим домашние ссоры и библиотеки”, он идёт открытой дорогой, свободный, идёт в никуда; и у него нет синдромов блокировки носа. Я с Уолтом, в нас нет ни вины, ни борьбы, нет правого или неправого, только правое и левое. Бродя, как Уитмен, просто гуляешь по круглой вертящейся планете, идёшь спокойно сквозь собственное бытие. С апельсинами в уме я, однако, не бездельничаю, а околачиваюсь с намерением.

На полпути по гребню я прохожу храмы Гантия. Эти два неолитических храма – самые древние на Мальтийских островах, сооружены за 5600 лет до рождения Христа. Мне сказали, что это древнейшие храмы в мире. Они стоят прямо напротив друг друга, один называется северным, а другой южным. Я читал, что некоторые люди полагают, будто северный храм окружён сверхъестественной энергией. Многие были поражены видениями или ощущением святости атмосферы в храме. К сожалению, я видел только исполинские камни, и единственная тайна в том, как их поставили, один на вершину другого. Как люди 7600 лет назад могли переворачивать, дайте сказать, 50-60-тонные

глыбы (я не знаю, сколько они действительно весят), и собирать их, устанавливая один камень поверх другого? Затем я подумал, что это всё устроено для нас, туристов, поэтому я решил продолжить путь к Виктории. Всегда Виктория, я должен поменять пункт назначения с завтрашнего дня. Я прохожу поля с баклажанами, смешанные плантации с медовыми дынями, кабачками, гранатовыми деревьями, колючими грушами в виде живой изгороди, томатами и другими странными фруктами и овощами, но всё ещё не вижу оранжевых апельсинов. Я вижу также животных: собак, кошек, ослов, овец, свиней, лошадей, всех видов. Я прошёл мимо невозмутимой крысы, которая видела меня, но не обратила внимания, продолжая беспечно фырчать. Здесь также большое количество ящериц; у нас дома таких ящериц нет, если только в роскошных гостиных в городах, ха, ха. У нас есть тритоны, однако.

После нескольких часов прогулки я начинаю замечать, что я стремлюсь вернуться в мир сновидений – как-то я его потерял; скучаю по лёгкому, непринуждённому миру монаха. Я полагаю, что теряю его столь же долго, сколько я существую. Я начинаю думать, что тяжело достичь того, что под поверхностью моих впечатлений. Когда они нарастают, я становлюсь надсмотрщиком, не трата времени даром, я пользуюсь методом, похожим на тяжёлый кожаный ремень для ребёнка – методом, усвоенным от Братьев во Христе в Ирландии; они держали камни за их молитвенными чётками, которыми могли пустить вам кровь. *Куда ушёл Уолт?* Возможно, я потерял его у храмов, когда я пытался понять, как они созданы. Заметив кафе на углу площади бесконечно пыльной деревни, которое я прохожу, я влеку себя через открытое пространство шагов в шестьдесят.

Площадь в центре деревни имеет размер футбольного поля, и она не скрывает никаких персонажей с грубым поведением; здесь нет ночных перебранок и битья пивных бутылок, как в сценах британской ночной жизни. Мои топчущиеся ноги привлекают внимание в этом тихом месте; эти ноги, как в пословице, заставляют уши насторожиться. Здесь есть люди, но их трудно заметить. Старушка, одетая в чёрное, как обычно, далеко в стороне, сидит на своём стуле, как на насесте, в тени передней двери – полуденная жара, и я думаю, что покой в этом месте содержит в себе тысячи лет его опустошения. Церковь, достаточно величественная для такого большого пространства, возвышается над деревней, обеспечивая сохранность традиционного уклада жизни. Солнце жжёт, и моя походка ускоряется, поскольку тень расцветенных зонтиков соблазняет обещанием холодного питья и места для отдыха. По диагонали я приближаюсь к аккуратной группе столов и стульев. Там около десяти столиков, каждый покрыт красной и белой клетчатой бумагой. Прочные пластиковые зажимы скрепляют каждую из четырёх сторон, удерживая бумагу на месте от порывов тёплых африканских ветров с юга.

Я сделал это и сажусь на ближайшее место, снимаю шляпу и солнцезащитные очки, откидываюсь спиной в тень и жду обслуживания. Я ещё слишком в движении, чтобы по достоинству оценить тот дар, который сиденье приносит моему измученному телу. Здесь немного посетителей: семья позади меня; двое рабочих через несколько столиков слева; одинокий мужчина, записывающий что-то в журнал, также слева; он, возможно, писатель, или просто что-то пишет. У него изысканный вкус: рубашка с короткими рукавами в мелкую голубую клетку; хорошо пошитые брюки из дорогого материала в тон с его носками; туфли сверкают. Я рассудил, что недалеко должна быть машина, такая же безупречная, как эти туфли. Что он пишет? Возможно, он архитектор, пишущий о

церкви; я не думаю, что он пишет обо мне. Он изучает меня, однако, и начал это делать, как только я приблизился. Я сажу к нему не лицом, а левым плечом, что неудобно для обозрения; я мог бы поговорить с ним, но я не готов ещё к общению с людьми.

Двое строителей, покрытых каменной пылью, совещаются на мальтийском диалекте, старший, очевидно, первый по ранжиру. Они сидят по диагонали один к другому, старший шлёпает левой рукой по столу, пальцы раздвинуты, решение принято, оба согласны. Они встают, проходят несколько ярдов, толкают доску, которая подвешена на гвозде, прикрывая проход, и исчезают в полости дома; побег завершён. Эти двое напомнили мне пару мужчин, которые работали в том же месте, где и я, двадцать пять лет назад. Эти мальтийские мужчины выглядели точно так же, как и те мои коллеги – то же возрастное различие, похожие характеры и осанка, та же родственная динамика, всё то же самое; возможно, они были тогда, когда строились те храмы, а может быть, это те мои друзья? *Что организует такие совпадения? Как могут образцы повторяться в различных культурах, подобно этому примеру?* У меня не было ответа.

Какое-то таинственное свойство завладело моим вниманием, флиртуя со мной, пока я ждал; такого рода вещь, которая кажется несущественной поначалу, как, например, нежный аромат, оставляющий резкий след, или любовник на всю жизнь, на которого вы сперва не обратили внимания. Мои рассуждения и умозаключения под этим воздействием были приостановлены, и моя нормальная идентичность тихо и просто покинула меня. В этот момент я осознал, что не должен никуда идти, когда бы то ни было. Я прибыл в середину моего жизненного пути; я дома; я финишировал. Я в центре Универсума. Это изменение произошло настолько без усилий, что я даже не понял, как это случилось. Возможно, виной тому был пишуций мужчина напротив меня – архитектор, чьё настроение я мог воспринять; или это были рабочие, которые проходили свой полный жизненный цикл от античных строителей до современности. Вероятно, я просто ушёл прочь от своей идентичности – оставил её в пыли. Кто знает как, но я, видимо, проскользнул через трещину в обыденном мире. Неожиданно я снова в грёзах; неожиданно целый мир держит меня в его руке. Я мало что могу сказать об этом чувстве завершения, потому что оно такое простое, непосредственное, и живёт от момента к моменту, не рефлектируя себя.

Если поразмышлять, то, возможно, это энергия Гантии, древних храмов, увиденных мною, преследует меня. Как если бы влияние этих храмов создало мой опыт настолько быстро, насколько я стал размышлять. *Неужели мы так оторваны от магии наших предков?* Я так не думаю. Эта любовь, которая, не зная границ, поселилась в каждом человеке, в каждой вещи, от края до края, на столе, на площади, на всех площадях, в столетиях. Вы бы запомнили это, даже когда забываете весь жизненный ход событий. Я думаю, что кафе расположены обычно на самых благоприятных местах, где легче всего открыться этому грезящему сознанию. Люди просто сидят в кафе, где о них заботятся, они могут позволить себе уйти и выскользнуть из обычного мира. Вы расплачиваетесь вашими деньгами и, если вам повезёт, вам подадут чашечку всеобщности бытия. Моя муза подсказывает мне хорошее имя для такого кафе – “Кафе Вечности”.

Сразу, как только этот опыт поглотил меня, он был готов превратиться в воспоминания. Поднявшись и выйдя из кафе, я оставляю этот опыт, который уже оставил меня. Со следами призрака любви я продолжил движение до тех пор, пока, наконец, не достиг окраин Виктории. Я приблизился к саду с деревом, нависшим над мостовой. На нём

были похожие на мячики фрукты. Я подошёл ближе... да, это зелёные апельсины. И, к моему удовольствию, я разглядел также два оранжевых в пределах досягаемости руки. Однако, передо мной по дороге шли два человека, что мне было делать? Оставалось только одно – и я прошёл мимо. Нет, я просто пошутил, я сорвал их и ем! Кое-кто мог бы сказать: “Как печально, как будто вновь погружаешься в детство”, и это правда. К тому времени было уже 7 часов вечера, поэтому я повернул налево в Викторию и пошёл домой через серебряный лунный свет, подыскивая, чем бы вытереть мои липкие руки.

Ребёнок и летающая тарелка

Сегодня я встал рано, наслаждаюсь горячим утренним солнцем на веранде; день – чудесный; небеса – чистые, и блёстки ослепляющей воды в заливе заставляют моргать, вспыхивая так часто, что я должен скашивать глаза из под моих солнцезащитных очков. На завтрак я съел полчашки молока, полчашки ягод, один ковшик белковой сыворотки, немного льняного масла и банан, всё это смешанным в единую массу, и после этого чай с тостом – очень вкусно. Я сижу в кресле на патио с придвинутым пластиковым столиком, ноги вверху, наслаждаюсь видом. Сейчас около 7.30 утра, и я разглядываю город, вижу, что он пуст, кругом ни души. Вскоре, однако, я замечаю какое-то движение, самое время достать мой бинокль. Со стороны улицы появляется женщина, тихо и лениво двигаясь к морю. Она идёт прямо и целенаправленно в воду, не останавливаясь; женщина вся в её миссии. Я воображал, что она прибыла в ночь накануне, и мечтала, и ждала этого момента весь год.

Когда она ныряет под воду, возникает чувство облегчения. С теми же решительностью и темпом, с которыми приближалась к воде, она взмахивает руками, уплывая в море. Когда она постепенно удаляется в покрытой зыбью воде, вращая своими руками, я наблюдаю за ней с завистью, понимая, что я никогда не сделаю так, не смог бы сделать. Она продолжает упорно плыть по прямой линии в направлении Италии – или туда к Африке? Сейчас она на пути назад, должно быть, прошёл час, потому что город проснулся, и люди идут к церкви; магазины открыты, и случайный ребёнок играет на пляже. В конце концов, она поворачивает вправо и направляется к скалам в губе залива. Я вижу немного дальше рыбацкую лодку, возвращающуюся с уловом для местных ресторанов. Пересекутся ли их пути в зловещий момент? Я внимательно слежу за двумя траекториями – путём маленькой головы, качающейся вверх и вниз, и путём моторной лодки с поднятым носом, выходящей вперёд. Она, однако, кажется, учитывает всё это в своём продвижении, и проплывает прямо перед лодкой – изумительный мореплаватель. Пока она плывёт в том же темпе, я вижу ещё одну потенциальную угрозу. Она приближается к вероломным клифам с вздымающимися и падающими волнами, открывающими острия камней, которые могут порезать ноги и порвать живот. Кто бы отважился на этот риск? Однако, она спокойно проплывает между камнями и вокруг них, позволяя волнам двигаться поверх и ниже неё, удерживая испещрённые вулканические обрубки, покачиваемая водой на камнях, самоуверенно используя свои шансы. Она исчезает позади клифа, и больше её не видно.

Так или иначе, я был прикован к своему месту этой ловкостью, и вошёл в мечтательное расположение духа. Сидя в медитации, я сфокусировал своё мечтательное настроение

на нескольких облаках в небе; утро прекрасное, и великолепные белые пушистые облака усеяли небо вокруг. Затем кое-что происходит, что-то за пределами моих знаний. Внезапно возникает какое-то движение позади облаков. Это выглядит, как металлический объект, круглый, с двумя ярусами и с окнами в нём; быстро вращаясь, он становится всё больше, поскольку приближается. Я наблюдаю, как он движется зигзагом назад и вперёд с высокой скоростью на некотором расстоянии выше меня. Он снижается ещё больше. *Господи, да это же летающая тарелка.* Мой разум в крайней панике. *Я думаю, что это за мной, я знаю, что это за мной. Это не может быть случайным.* Затем я осознаю, что на моих коленях сидит маленький ребёнок... *Как, чёрт возьми, он попал сюда?* Космический корабль, однако, более устрашающая вещь. Он начинает снижаться, и я всё более и более паникую; я знаю, что происходит, я бывал здесь перед этим много раз в своей жизни, и я знаю, что он пришёл за мной. Затем он снижается совсем и садится на землю около меня. “Вы должны идти”. Я подпрыгиваю, когда ребёнок начинает говорить, и внезапно понимаю, что корабль общается со мной через ребёнка. Дружелюбным голосом ребёнок говорит: “Вы должны идти, вы должны покинуть это место”. “Что вы подразумеваете, вы имеете в виду Землю?” Я спрашиваю неистово, зная точно, что он подразумевает. “Да”, следует выразительный ответ, “Вы должны покинуть её сейчас”. Это очень неожиданно, действительный кризис между жизнью и смертью, это как пистолет, приставленный к моей голове. Дрожа от ужаса, я реагирую, “Я не могу идти, я неспособен, я очень испуган”. В этом месте корабль и ребёнок исчезают, а я остаюсь дрожать в своём собственном кресле.

Что, к дьяволу, происходит? Я схожу с ума? Мой рассудок в беспорядке, я не могу понять, что случилось, даже не могу назвать это грёзой, но это должна быть она. У меня за всю мою жизнь уже были несколько раз видения прилетевшего космического корабля, пугающего меня, но это всегда было во сне. Это было требование оставить всё, что я знаю, и навечно уйти во внешнее пространство. Это всё равно, что попросить меня умереть. Проведя немало времени в озадаченном состоянии, я решаю, наконец, что я должен выяснить об этом всё раз и навсегда. Я хочу найти бесстрашие, чтобы взойти на этот корабль, действительно сделать это. Я не могу больше терпеть, не понимая этого, не могу больше оставаться с этим ощущением слабости и страха.

Пока я пишу, осознаю, что этот эпизод напоминает мне об опыте, который у меня был более тридцати лет назад. В тот раз, выходя из угнетающего эпизода, я становился сущностью Универсума и, даже, несмотря на то, что был крайний восторг, я всё ещё боялся потерять собственную идентичность, что бывает, когда открываешь иную перспективу. Опыт с космическим кораблём даёт возможность пойти таким путём. Это роковое явление; я старался с большим трудом вернуться к тому опыту тридцатилетней давности, и теперь, когда я, наконец, получаю шанс, это выглядит таким ужасающим. Вы работаете над чем-то всю жизнь, но когда вы добиваетесь этого, то убегаете от него сломя голову. Я желал бы делать деньги, играть на каком-нибудь инструменте, заниматься спортом, лингвистикой, садоводством, спелеологией, спать надравшись, что угодно, кроме как потерять идентичность. Однако, этот космический корабль где-то скрывается, как монах, ждущий момента, чтобы забрать меня из обычного мира. Возможно, что это и есть монах в другом обличье. В любом случае, это ощущается так, словно быть похищенным. Потерять ключ от квартиры это одно дело; потерять знакомый мне мир совсем другое – или то же?

Через день или два я чувствую, что достаточно отошёл эмоционально от этого события, чтобы осмыслить его. Если я пойму значение этого опыта, точно следуя событиям, тогда я смогу чувствовать себя менее испуганно, чтобы попасть на корабль, если он вернётся. (Между прочим, спустя короткое время после происшедшего корабль вернулся во сне, и на этот раз у меня не было выбора. Голос во сне ясно сказал: “Встань, подними палку, иди на корабль; человечество заблудилось; ты должен взойти на борт сейчас, времени нет”. Я расскажу об этом втором визите или сне позже; эти два события произошли за две недели до того, как появились первые признаки серьёзного заболевания.)

Я сижу в той же позиции, в которой я был, когда появился космический корабль, и начинаю вновь переживать момент за моментом. Я вижу себя с ребёнком на коленях и стараюсь восстановить ощущение испуга. Затем я изучаю летающую тарелку, рассматривая её настолько детально, насколько возможно. Я замечаю, что рассматривание корабля действительно возвращает ощущение страха. Я встаю и иду тем же путём, как космический корабль, немного зигзагом. Но ничего не происходит; восприятие лежащего в основе сознания не возникает, только лёгкое чувство отстранённости, которое не ведёт никуда. *Должен ли я сдаться?* Следование процессам, подобным этому, похоже на разогрев паяльником проволочного припоя. Вы держите проволочный припой у паяльника, но он остаётся твёрдым, если жар паяльника недостаточен. Повышаете температуру нагрева (усиление или удержание сознания на проблеме), и при нужной температуре (внимание) проволока внезапно разрушается и становится текучей. Точно так же и с незнакомыми, устрашающими процессами, подобными этому; вы входите в контакт с ними, становясь ими, и затем работаете с различными частями, удерживая наиболее таинственные или устрашающие аспекты их до тех пор, пока противоположности не разрушатся – внезапно и автоматически вы попадаете в поток сознания. Любой может делать это. Если хотите, вы можете делать это с несчастным случаем, а также с болезнью, с любым сном, с любовной проблемой, с настроениями, с чем угодно; просто войдите в их динамику и удерживайте напряжение, тогда эта проблема разрешится сама собой. Стать кораблём не сработало, проволока не разрушилась. Значит, представление кораблём не тот путь на данный момент.

Я переключаюсь и становлюсь ребёнком; там был ребёнок, который контактировал со мной. Я сажусь и становлюсь ребёнком на коленях у нормального себя, стараясь поймать нужные ощущения. Как ребёнок, я повторяю те слова, что он сказал мне: “Вы должны покинуть это место, вы не можете оставаться здесь, настало время уйти”. Внезапно я попадаю во что-то, и всё моё тело начинает реагировать, дрожа от эмоций. В качестве ребёнка я чувствую потрясающую доброжелательность к тому, на чьих коленях сижу. Однако, чувствуя себя ребёнком в этой позиции, я замечаю, что одновременно это сознание маленького трёхфутового, мудрого, старого человечка. Сидя как ребёнок/старик на коленях испуганного самого себя, я ощущаю, как возрастает восприятие борьбы моего существования. Ребёнок/старик и моя нормальная идентичность - это те же самые личности, разделённые только различным видом сознания. В сознании ребёнка/старика я ощущаю глубокую доброжелательность к моему телу, я чувствую только любовь и нежность к тому, кто испуган приглашением на космический корабль. Я знаю, однако, что он должен подняться на борт, должен пойти домой, к себе. Потусторонняя территория, на которую этот корабль доставит его, это любовь и безграничность. Моя нормальная идентичность получила призыв войти в эту

безграничность и уйти от согласованной реальности; это действительно позволит моему телу жить в счастливом ощущении самого себя и даст моей натуре выразить себя во мне. Во мне вспыхивает знание того, что невидимый мир изумительно реален, что другие измерения имеют жизненную реальность, которая за пределами рассуждений; в конечном итоге, здесь нет выбора. Я повернул сорок пять ступеней в моём существовании, я почувствовал перемену, и теперь я разгуливаю с иным, отличным ракурсом. В моём существовании через интуицию двое сливаются в единое целое. Я плачу, рыдаю, держу и медленно целую свои руки, я нежно закутываю себя. Я понимаю, что не обязательно быть храбрым, если имеешь любовь. Я переключаюсь в другой ракурс и осознаю, что день тёплый, и настало время искупаться.

Экстернализации

Солнце светит, 10 часов утра, и я корчусь в воде ниже моей квартиры, подпрыгивая вверх и вниз. Я не очень хорошо плаваю, но я несомненно могу крутиться и вертеться с грацией прямоугольного старого крокодила. Другие могут скользить, как стройная рыбка, по поверхности отмели к другой стороне бухты, но я могу вращаться так же элегантно. В тот момент, когда я, играючи, держусь отвесно, полголовы находится над водой, а глаза на уровне гладкой игристой поверхности вокруг меня, я наслаждаюсь теплом на моей голове. Внезапно что-то касается моей лодыжки во время игры, и я стремлюсь выскочить из воды, но надо сначала доплыть. Я неистово плыву по направлению к металлической лестнице, закреплённой на краю скалы. *Не паникуй, не паникуй, просто плыви.* Больше ничто не касалось моей ноги, несколько взмахов и я там; плыву, плыву, плыву. Наконец я ухватился за ступеньку, и в тот же момент я чувствую ещё контакт: Это укус? На этот раз я действительно выскакиваю, как напружиненный цыплёнок, едва касаясь лестницы. Сидя на сухой земле, осматриваю свою лодыжку, и загадка решена. Прошлым днём я лазал по горам и был погружен в размышления о тонких и нежных аспектах моей натуры, когда что-то блеснуло на меня с земли. Я наклонился и нашёл девичий бант. Это был маленький блестящий бант с двумя зелёными стеклянными шариками, прикрепленными к нему. Я повязал его на своей лодыжке и забыл про него. Что ж, загадка решена, и я могу вернуться назад.

В воде, заполняющей гигантское тело и переливающейся через край, мысль о космическом корабле пришла ко мне снова. Интересно, на что это похоже, если здесь и сейчас выйти за пределы моей индивидуальности и мыслительных процессов, покинуть Землю? Ответ пришёл быстро и непосредственно. В момент вопрошания моё сознание переключается изнутри моего тела наружу, и мир видит вертящегося в воде человека. Фонарные столбы на дороге смотрят на него с нежностью; здания, окружающие бухту, смотрят вниз с утешением. Мир тоже является сознательным телом воды, поддерживающей его. Он, человек в воде, есть, в то же самое время, каждая личность на прогулке, воспринимающая других. Сознание есть любая вещь, которая находится вне того, что он называет "Я". В этом нет ничего удивительного; этот ракурс оставался незамеченным до сих пор, но он старше, чем сама земля.

Летающие тарелки, вероятно, приходят из мира за пределами нашего космоса, из пространства за пределами обычных мыслительных процессов, за пределами наших

индивидуальностей или религиозных систем, вне обычных представлений о мире, вне нашей системы принципов. Я думаю, что быть вне пределов мысли означает быть вне целого мира. Даже наши знания о звёздах и их восприятие являются частью нашего мира, частью человеческого мышления и восприятия. Это космический корабль, на который нельзя попасть, пока доминирует нормальное земное мышление. В воде, так или иначе, я выхожу за пределы моей идентичности и попадаю на внешний корабль. Там я уже не капитан; там есть другой, более пригодный к этой тяжёлой работе. Обычно мы непрерывно боремся за то, чтобы удерживать контроль, но здесь нужно видеть его границы. Капитан космического корабля являлся мне предварительно как пустой монах, и теперь достаточно благоприятный момент, чтобы вновь дать место его сознанию. Я хочу обосновать этот опыт в словах; обосновать это сознание в моей памяти, поэтому я буду называть его 'экстернализацией'. Я выхожу из воды, иду в душ и, в конце концов, сажусь на автобус до Виктории. Из Виктории ноги выводят меня на дорогу к паромной пристани в гавани Мгарр. Прогулка к пристани занимает около трёх часов по оживлённой дороге на палящем солнце. Я не знал, зачем я хотел пойти туда, я просто намеревался поработать ногами. Многие вспышки экстернализаций происходят в то время, когда я гуляю. Чтобы содействовать им, я переношу внимание на самый край моего мыслящего сознания и делаю шаг за него – вовне. Думаешь о чём-то, затем осознаёшь предел этой мысли, а затем переключение происходит естественно, без усилия.

Отметив, что подхожу к пристани, я поднимаюсь на каменистый холм, чтобы обозреть гавань. Оттуда я смотрю на приходящие и уходящие паромы. Таким паромом прибыл и я более недели назад. Всё прибывает на Гозо таким путём: автомобили, постельное бельё, стиральные машины, ковры, гвозди и болты, всё проходит здесь. Всё, кроме, конечно же, моего чемодана, который прибыл неординарно, по воздуху. Глядя сверху, понимаешь, что этот порт является жизненной артерией острова. Без него весь остров был бы обречён на стагнацию.

Каждые полчаса вереница людей вытекает из паромы: кто-то с рюкзаками, кто-то с ручной кладью, семьи с детьми, парочки рука об руку, группы всех национальностей, некоторые с гидом, одинокие люди, а также те, кто ездит сюда ежедневно. Все они вываливаются быстрой процессией и затем так же быстро исчезают в транспорте, в автобусах, в такси, или просто пешком по холму. Затем после пассажиров прибывают автомобили, автобусы, грузовики, туристические фургоны, строительное оборудование; весь транспорт снабжён запасом велосипедов загородного типа. После того, как все высадились на берег, весь процесс в целом повторяется в обратном направлении. Подвижной состав и люди группируются, чтобы покинуть остров. Всё делается мгновенно. Вскоре гавань пустеет, чтобы заполниться опять через полчаса. Одиночные лодки ходят к другим докам.

Сидя наверху на холме, я смотрю и наслаждаюсь видом. Затем моё внимание привлекает мужчина внизу, подбирающий журнал с поверхности широкого камня, где он стоит. Он находится примерно в двадцати ярдах, и мне интересно, не эротический ли это журнал. Я гляжу на него, а он глядит на журнал; я выше, и он не замечает меня. Это продолжается минут пятнадцать – он обозревает журнал, я обозреваю его, и с другого ракурса обозреваемы мы оба. Двое из нас сидят здесь, находясь в своём обычном мышлении; переворачиваем, оба мы в сознании 'немного я'.

Но что-то ещё есть здесь также, Великое Постоянство; Всеобщий Покой, видится мне, видящему его, видящего меня. Это триста шестьдесят градусов сознания; сознания, которое кажется растущим из Земли, из Универсума. С ракурса моего мышления это мне напоминает технику киносъёмки, когда сцена застывает, но камера продолжает круговой обзор застывших объектов. Таким же образом, это 'сознание за пределами сознания' быстрее, и может, так сказать, держать объекты сознания в своих руках, как чашку, обозревая их со всех сторон; светлый пузырь, который может обозревать и держать тяжесть сознательности в своём центре. Мы оба сидим здесь и делаем каждый свои дела – двое из бесчисленных миллионов 'немного я'. Но 'Большой Космос' также присутствует, как межпланетный визитёр, который всегда был здесь. В конечном итоге, мужчина бросает своё чтение и уходит; мной овладевает соблазн пойти и посмотреть, не эротический ли это журнал, но я не пойду. Я хочу остаться в обычном расположении духа; я хочу гулять пустым, ни зрелищ, ни секса, ничего. Не хочу давать своим обычным мыслям ничего притягательного. Этот путь особенно легко теряется, потому что это утончённая форма самовыражения.

Я встаю и иду назад по направлению к Виктории. Пока я иду, продолжаются вспышки, воспринимающие моё ощущение событий, воспринимающие создание событий, освобождающие видения из 'иного'. Я знаю, когда гуляю, что эти опыты лежат в истоке искусства; никаких связей с обществом или обыденным мышлением – чистое нерелективное искусство. Я захожу в Викторию, ищу свободную скамейку на площади, но все они заняты. Я прогуливаюсь по узким улицам тёплым вечером.

Мама, дочери, дети и дедушки сидят на стульях на улице, разговаривая как обычно. Когда я прохожу, я произношу: "Добрый вечер", и они дружелюбно реагируют.

Я продолжаю бродить по переулочкам и имею возможность всмотреться в некоторые дома с освещёнными окнами: они удивительно величественны и элегантны. Мне нравятся двери, мне нравится интерьер, я замечаю хорошие каминные, мне нравятся изразцы. Мне нравится, что они разделяют своё внутреннее пространство с любимыми проходящими Томом, Диком или Гарри. Вернувшись на площадь, я нахожу место для отдыха. Я сажусь, похоже, рядом с семьёй из нескольких поколений, но может быть, это просто люди, которые знают друг друга всю свою жизнь. Эти люди живут в основном снаружи, и так поддерживают контакты с их обществом, в то время, как люди на холодном севере живут внутри, за дверями, закрытыми, запёртыми – интернализированы, даже по отношению ко всякому другому человеку. Я с севера.

Я всё больше очаровываюсь взаимоотношениями между шестилетним мальчиком и, возможно, его дедушкой, или даже прадедушкой. Они играют, старик держит запястья мальчика сжатыми между своими чрезвычайно огромными, обветренными, большим и указательным пальцами. Затем он предлагает мальчику сделать то же самое его маленькими ручками. Оба получают большое удовольствие. Старик, очевидно, любит ребёнка; они хихикают вместе, как маленькие дети. Обе руки маленького мальчика не способны обхватить одно запястье старика, а тем более, два. Но это любовь одного к другому, здесь нет соперничества. Я понимаю, что они близки душами; один только открывает этот мир, а другому недолго его покинуть. Они оба закрыты миру сущностей и, тем не менее, распознают в нём друг друга. Я вижу, как многозначительна жизнь для старого человека, окружённого юными людьми, и как можно любить ребёнка, не боясь ошибок в воспитании. Когда я наслаждаюсь этой нежной сценой, я вспоминаю ребёнка

на моих коленях ранним утром и осознаю, что этот сон прямо здесь передо мной. Я оба, ребёнок и дедушка. Мир полон магических и многозначительных совпадений, образцов внутри образцов.

Наконец, я поднимаюсь со своего сиденья, чувствуя небольшую зависть к этому “наружному” обществу, и иду за пиццей. С тех пор, когда мои мысли заняли меня так сильно в прошедший час, опыт выхода за пределы себя – экстернализация – был проделан. Я стал сплошным, и больше не могу ступить за свои пределы. Я стараюсь не потерять это и не хочу трудиться над этим, поэтому я бросаю всё и влеку себя в кино. Это не оставит меня в любом случае, я не смог бы дышать без этого. После просмотра картины я иду домой, дыша ночным тёплым воздухом, и думаю, что монах, космический корабль и опыт экстернализации – всё это одно и то же, тот же процесс. Песня спета, и дело сделано – это было подписано, опечатано и доставлено – я твой. Я пришёл домой и свалился в постель – хороший денёк.

Улыбки на моих пятках

Это моя вторая неделя, и я становлюсь бродягой, странствующим по дорогам днём и ночью до тех пор, пока с трудом могу стоять. Я, как пустая скорлупа, стал почти незаметен, почти невидим. Мне всегда нравились бродяги, странники, скитальцы, американские хобо; они странствуют в различных направлениях по обыкновению; направлениях незаметных и неожиданных для нормальных людей, живущих в домах. Это состояние бродяги помогает мне оставаться пустым. Первые впечатления моей памяти таковы. Когда мне было три года, я прокрался в хижину старого бродяги, она была недалеко по просёлку от того места, где я жил. Мне было страшно, но я прошёл тёмное и зловонное помещение, оказавшись в маленькой комнате. Там, в середине её, я нашёл серебряную монету. Я схватил её и выскочил наружу настолько быстро, насколько позволяли мне мои маленькие ноги. Карл Юнг, известный психолог, говорил, что ваше самое раннее воспоминание или сон, это ваш личный вымысел – вид динамического образца или проект того, что есть в сущности ‘вы’, и вы вырастаете в него на жизненном пути – как дуб, который уже изначально был внутри жёлудя. Это телеологическая концепция, рождённая из идеи, что сны имеют значения и цели, и простираются в нашу жизнь, чтобы надлежащим образом завершиться. Я изучал значение подобных случаев в жизни – и вот награда за это – как в этом первом воспоминании, сам того не зная, я развился в этого бродягу моего детства; старого бродягу с тележкой, являющегося высшим выражением моей природы. Бродяжничество помогает мне оставаться с пустотой, а поиски пустоты – это достойное и мудрое занятие. Пустота не является просто потому, что её позвали, она не достижима ни одним щелчком пальцев, ни отточенным интеллектом. Вы не найдёте её в точке шесть часов; она не может быть расположена ни в какой-либо пещере, ни в кафедральном соборе. Это ни-что не может быть раскрыто, не подаётся к столу, не поддаётся разуму, не приходит к объяснению, не нуждается в защите или управлении. В ней энергия, но не сила толчка (как это могло бы быть?), и она не поможет вам продвигаться в мире. Она приходит к смирению, к утрате, к открытости – возможно. Иногда она приходит в молитве, но тогда, когда молитва искренна, совершенна, священна.

Я прогуливаюсь мимо владельцев магазинов, стоящих у дверей; стены слева от меня имеют средиземноморский колорит. Спрыгиваю с высоких тротуаров на перекрёстках и вновь запрыгиваю на другой стороне, это меня возбуждает. Транспортный поток движется близко от меня, объезжая вокруг, теснясь и сигналижая; также ведут себя и покупатели. Высокие тротуары сделаны в расчёте на сезон сильных дождей; я так думаю, поскольку быстро двигаюсь через перекрёстки. Находясь в самой середине этой суеты, я чувствую себя парадоксальным образом как собиратель или охотник, подбирающий духов – это странное состояние, если не сказать больше. Я знаю, что каждая подавленная или тягостная мысль, которая проходит через мой разум на протяжении дня, похожа на дух, преследующий меня, сидящий во мне, как старый бродяга с тележкой, высасывающий мою энергию так, как будто он абсолютно реален. Приостанавливая рассудок, я позволяю себе по дороге входить в духов, и гулять *так же, как они*.

Песни повсюду на моём пути. Я вижу прекрасный автомобиль, чувствую зависть к нему, и затем я сдвигаю ракурс и становлюсь этим автомобилем. Стать автомобилем означает завершить желание иметь его. Этот метод не позволяет никаким духам охотиться на меня. Стать самой дорогой машиной – замечательно, большой и ценной работой – прекрасно. Строки песни возникают из опыта, который доводит процесс до реальности, и тогда песни развеиваются лёгким ветерком и улетучиваются, когда я пою их. Пустота возвращается, невероятно, я вновь в потоке. Я вижу прекрасную женщину и становлюсь ею, женственной, возможно, сочной, яркой; вижу дом, становлюсь домом – безопасным; сочиняю и другие песни. Таким образом, я населяю духов в моих мыслях и достигаю целостности в то время, как двигаюсь. Мышление таким способом не может увести меня от пустоты, не может зачаровать меня, не может стать магнетическим и завладеть мной, не может заставить меня бояться, и оно осознано только наполовину. Маленькая уличная песенка звучит во мне, когда я схожу с тротуара:

Заселите ваши мысли прежде, чем они заселят, вы знаете кого.

Пустота вернётся, когда вы замените старые ботинки на новые, и нить ваших мыслей станет небесно-голубым кем, кем, кем.

Брожу сейчас по цветам на склоне холма; очевидно, моё настроение изменилось; появилось сильное чувство безнадёжности. Постепенно я останавливаюсь с опущенной головой, мир кажется бессмысленным. Моё настроение чертовски понижено и подавлено. *Как я могу так жить, зачем мне сохранять эту жизнь?* Эта жизнь не имеет цены. Но есть ещё что-то в этом. Одновременно происходит нечто другое, нечто причудливое, кверху ногами, задом наперёд. Чувство отчаяния, что всё рухнет, приводит меня в трепет; это восхитительно. В настроение возвращается сдержанный восторг, любовь, охотно себя ограничивающая. Поглядите на меня, может быть, вы увидите неясные очертания крыльев, возможно, длинных белых крыльев. Долины, по которым я гуляю, наполнены надеждой, красотой, счастьем; все низины на земле наполнены любовью, но не я. Во мне мрачный коричневый мешок безнадёжности, и я держусь за него, как если бы он был моей истинной жизнью. Моя песня – безнадёжность, и я не могу позволить радости похитить её у меня, как это происходит обычно.

Сейчас всё меняется. Я не знаю, как это объяснить, я даже и не хочу, но всё же попробую. Если в вашем настроении есть место фантазии и воображению, вы могли бы

увидеть продолжительное пикирование, устремление вверх и скатывание вниз по холмам. Так или иначе, существует связь сущности, лежащей в основе депрессии, и настроенностью, поэтому возникают песни. Все виды мистических энергий в ландшафте сжимают восторг и безнадежность в единое целое, а я удерживаю их порознь – на ногах гири, а на душе весело. Я летаю как орёл, парящий и пикирующий, в то время, как мои ноги твёрдо стоят на земле, как у слона, прошедшего тысячу миль; тяжёлые ноги в другом мире, а крылья в этом – свобода, охотно себя ограничивающая. Ноги во плоти и лёгкие перистые крылья, и то, и другое нужно, чтобы удерживать сознание иного, и всё вместе движется в одном направлении в пустом жесте. Если я потеряю это сознание, то клянусь, что я обрыскаю землю в поисках кого-нибудь, кто осудит меня так, что я смогу вернуть его.

Другая песня:

Огради меня от оптимизма

Огради меня от успеха

Огради меня от надежды

От надежды, от надежды, о Боже, огради меня от надежды

Моё сердце направлено к тебе

Нет искусственной ограде, нет рассудку

Да жизнерадостности, которую ты приносишь

Жизнерадостности, которую ты приносишь

Ты даёшь мне пустоту

И я падаю в её руки

А ты ведёшь меня домой

Веди меня домой, домой, домой

Ты ведёшь меня домой

Ускоряясь, сохраняя ускорение, идя глубже, процесс, который привёл меня на этот открытый остров, непрерывно создаёт пустоту, сокращая мой мир, захватывая мои владения, воруя меня у моих мыслей, но он ведёт меня домой. Я готов упасть на колени, чтобы благодарить кого-то за это позднее освобождение – за это запоздалое понимание. Дайте мне сказать вам, что этот Бог или некое сознание Универсума, кажется запоздалым, поскольку действует путём обратного хода мышления. Как бы то ни было, можно почувствовать глубокую осведомлённость, идя в направлении, обратном основному курсу; это ощущается как парадоксальность творчества. Когда это так, и Бог во всём и ни в чём, вас не покидает чувство благодарности, поэтому я благодарю большую круглую прекрасную планету, вращающуюся в одну сторону, в то время как мы игнорируем её и вращаемся в другую. Я клянусь, что готов вести жизнь отступника, как у пчелы без улья, лишь бы сохранить это вращение в неверную сторону. Гуляя, двигаясь к западной оконечности острова, я прохожу мимо рыбаков, одни из которых пользуются превосходными длинными удищами, другие проверяют расположенные в воде хитроумные приспособления для ловли лобстеров и осьминогов. Повсюду пойманные поразительные рыбы, всех форм и размеров: некоторые плоские, некоторые похожи на рыбу-меч; другие толстые и круглые. Есть огромные, больше, чем я когда-либо видел.

Я приближаюсь к громадной плоской скале, которая простирается справа от меня, примерно в двадцати метрах, с резким обрывом. Эта плоская скала тянется далеко

вперёд, насколько видно глазу. Арабы много веков назад нарезали поверхность скалы в целях добычи соли из моря. Маленькие ложки или чаши различных размеров, обычно около трёх дюймов глубиной и шести футов длиной, по четыре в ряд, были выточены в скале. Морская вода помещалась в эти чаши так, что могла испаряться, оставляя сухую морскую соль; ценнейший продукт в те времена. Я вижу, что люди всё ещё пользуются этим методом. Я схожу с дороги и поднимаюсь через соляные чаши, балансируя на узких скальных переборках, разделяющих их. *Сохраняйте ваше равновесие, не падайте ни в одну сторону, ни в другую.* С протянутыми в стороны руками, я двигаюсь в этом стиле несколько миль, скачущий попрыгунчик. Море справа от меня. Большие волны бьются в скальный обрыв, создавая поразительные фонтаны, которые выстреливают через отверстия в скале вверх на несколько футов. Под навесами скал возникают также сильные глухие и всасывающие звуки, которые были такими и в античности, ворчливые беседы в пропорции греческих мифов. *Всё то же изобилие рыбы, пойманной там, внизу.*

Тем временем прочная скала превращается в пласт песчаника, тянущийся ближайšie несколько миль. Попадающиеся соляные ложки каким-то образом уцелели в этом мягком камне, и ландшафт становится совершенно другим, с интересными скульптурными особенностями. Песчаник настолько мягок, что тысячелетия выветрились прекрасные мягкие, округлые формы в скальных обрывах слева от меня. Формы – круглые, вертикальные, нежные – обнаруживают ответный отклик скал душе ветра; разговор столь же древний, как сама Земля. Движение и неподвижность не только дружат здесь, у них взаимообмен. Люди издавна выдалбливали прямоугольные отверстия в поверхности небольших навесов в целях хранения инструментов и других вещей: ёмкости с маслом, канистры с бензином, бутылки с водой, лодочный такелаж, множество всякого хлама – всё, что необходимо для ловли рыбы и выживания в прошедшие времена.

Ландшафт снова изменился, теперь он стал лесистым, простираясь высоко вверх, и я поднимаюсь, пробираясь сквозь колючие кусты и сильно высушенную листву, которые раздирают кожу. Море изумительно, солнце неистово, повсюду снуют маленькие гекконы. Любопытно, что то место, куда я иду, я нашёл по карте. Оно называется Форна Пойнт, но, поскольку я не вижу ничего, что меня влекло бы в определённом направлении, я решаю просто идти вперёд, придерживаясь моря. В конечном счёте, я достигаю Небесного Окна в Двейра Пойнт – любимое туристами место; обычно я сторонюсь их. Я карабкаюсь вниз к самой выгодной позиции, чтобы посмотреть на нечто дивное. Это гигантское отверстие в скале, созданное много веков назад сильными приboями во время штормов. Через него и за ним можно видеть небесно-голубую волну; это одно из мест, приносящих острову доход, посещаемое множеством людей со всего мира. Я сижу там какое-то время, более интересуюсь своими ногами, чем этим популярным видом через отверстие в скале. Я погружаю их в воду, чтобы дать им отдых и освежить; они очень много ходили. Я бы расцеловал их, если не был бы таким негибким.

Снова я иду наверх: мантры, коаны, поэмы, сверхъестественные впечатления, бессмысленные вещи, строки песен, интуиции. Что-то бьёт ключом, как, например:

Когда вы поднимаетесь вверх, вы одновременно опускаетесь вниз

Входя, вы одновременно выходите

Множество строк возникает во мне:

Ваше смирение сопровождается одновременно восторгом и свободой

Победитель в тот же момент и проигравший

Проигравший победитель

Когда вы дарите кому-то любовь, в тот же момент и получаете её

С ненавистью целиться в другого означает целиться в себя

Когда вы оставляете какую-то роль, тогда вы действительно входите в неё первый раз

Когда вы бросаете работу, вы действительно начинаете делать её

Это равновесие и совершенство жизни в любом моменте

Когда вы пусты, вы наполнены

Когда полны, то одновременно пусты.

Это не гребень волны и затем впадина, не одно за другим, но совпадающее, одновременное, Твидл Дам и Твидл Ди. Более того, эти противоположности вытекают из сущности целого – пустоты – оба в то же самое время. Если вы хотите свободы, особенно, находясь в безвыходной клетке, тогда это главное.

Если вы теряете что-то, вы одновременно что-то находите (не упустите это)

Если вы умираете, вы действительно рождаетесь

Смерть в жизни, жизнь в смерти, причём одновременно

Ваше безделье сопровождается максимальной продуктивностью

Когда тяжелая работа идёт без вашего участия, вы совершаете ничто

Заболевая, вы незамедлительно выздоравливаете. (Болезнь это лечение.)

То, что обосновано дурно, как заселение кого-то с сознанием, это хорошо

То, что обосновано хорошо, полезно, как 'приличное поведение', - самое бесполезное

Если вы не постигаете природу синхронности в моменте, тогда вы со временем постигаете изменение противоположностей. Нет согласия в жизни до тех пор, пока вы упускаете синхронность.

Как эти кажущиеся противоположности отслежены от одного момента к другому?

“Одновременно”, таков ответ. “Путём обнаружения противоположности того, что происходит в любой момент” – Хохот!

Продолжаю:

Любой вопрос содержит одновременно ответ

Ухватите его одновременно

Откройте то, что вы оставили спрятанным, спрячьте то, что вы постоянно показываете

Для студента, который действительно чему-то учится, учитель должен быть пустым

Эгоцентризм обнаруживает спрятанную всеобщность

Всеобщность это лицо эгоизма

Сдержанность означает определённый полёт – оставайтесь там

Погружение в депрессию - это подъём к эйфории

Упустите это, и вы будете идти вверх, затем вниз, и так, по кругу, по кругу

Будущее и прошедшее происходят одновременно в настоящем

Мысли и события вчерашнего дня одновременно происходят сейчас

Говоря всё, не говоришь ничего

Молчанием сказано всё

С этими фрагментами, продолжающими звучать в моей голове, я поднимаюсь и спускаюсь по лесистым склонам, легконогий – ничем не обременённый. Я не несу

ответственности за то, что происходит у меня внутри, даже не знаю, кто мыслит, не интересуюсь этим направлением. Недалеко по склону холма выступают неясные очертания ещё одного популярного у туристов места, “внутреннего моря” – так указано на водонепроницаемом рекламном плакате. Морская вода поступает в полость чашевидной формы через канал в песчанике, созданный морем, образуя это маленькое озеро, которое даже теплее для купания, чем море. Автобусы, автомобили, ларьки с мороженым, туалеты, магазины с розовыми вёдрами и лопатами, люди повсюду – туристы такие же праздные, как и я, но я здесь долго не задерживаюсь! Вы можете поискать это на любой карте, если желаете. Следующая точка в этом популярном районе - это Грибной Утёс, который выступает в Двейра Бэй, совсем неподалёку от этого маленького озера. Это то самое место, где вырос знаменитый “Галльский Гриб”; но я никогда не слышал об этом. Я читал, что Рыцари Мальты охраняли это редкое растение, веря, что он обладает чудесными целебными свойствами. Он находился под их постоянной защитой, и всех посягавших на него, ждала неминуемая смерть: возможно, в этом и был его целебный секрет – умираешь, ища лекарство. Нельзя попасть на утёс из-за моря, поэтому я сохраняю жизнь.

Наконец, я прибыл домой; время прошло необычно, расстояния и промежутки времени мне не ясны, но я чувствую себя более чем хорошо. Я присел и подумал о своей маме, которая умерла три месяца тому назад, и о песнях, которые она записала в своей молодости. Я никогда не записывал песни, но сегодня я чувствую её рядом с собой, меня коснулось, несомненно, её присутствие. До сих пор я не замечал её, но я чувствую её рядом со мной в этих путешествиях. Сегодня я жил жизнью отступника, которой моя мать гордилась бы; сегодня я сбежал от бледного света само-восходящего солнца с улыбками на моих пятках.

Маленькие булыжники и большие волны

Я лежу в постели, замученный проблемами. Состояние самого разума находится под угрозой, если им задушена свобода. Восторг и безопасность предыдущего погружения в строчки песен превратились в пыль; прогулки в пустоте стали иллюзией. Я глупец, опьянел от могущества и попал в капкан, в кошмарную западню. Я и не подозревал, что мой рассудок с такой силой мог бы восстать против меня и потребовать возобновления контроля. Негативная реакция была очень жёсткой; тысячи кнутов поразили мой разум. Какие-то оставленные богом демоны вошли в меня и попытались выклевать мои мозги – очень неудачный способ быть услышанными. Моё мышление вступило в войну с самим собой, само его основание попало под угрозу, исходящую от восторгов пустоты, любви, экстернализаций. Равновесие, поддерживаемое ранее, почти исчезло. Кажется, я внушил ужас моему нормальному самосознанию, следуя за процессами, идущими, несомненно, вне меня; я не послушался предписаний моего рассудка – вторгаться в чужую идентичность очень опасно! Я бросил несколько сущностных булыжников в воды индивидуальности и произвёл тем самым сильнейшую турбулентность, чрезвычайный переполох. И теперь я лежу в постели в обители демонов, не будучи способен прекратить или хотя бы уменьшить какофонию голосов. Они кричат о потере пустоты и желании вернуть её, но внимательное изучение большинства этих криков показывает,

что здесь есть нечто большее, чем потеря пустоты. Многие голоса желали бы помочь мне с пустотой, они желали бы помочь мне с само-любием, и они желали бы помочь мне с выходом за пределы моего рассудка – я был каждым из тех голосов. Они использовали каждое орудие сознания, из тех, что я знаю, и всё было основано на необходимости контроля. Как я могу дать им восстановить контроль, ведь должен быть способ? Один из голосов сказал бы: “Оставь свой рассудок сейчас же, чтобы достичь пустоты!” Другой сказал бы: “Разберись, с кем ты беседуешь в своей голове”, и затем напал бы на меня, когда из-за паники я не смог бы этого сделать. Ещё один: “Следуй за движением чувств в твоём теле и прекрати думать”. Хорошие советы, но всё во мне было погружено в хаос. Ещё одно предложение: “Позволь вещам снаружи пофлиртовать с тобой”, но, сказав это, он стал бы повторять то же самое снова и снова, заставляя меня лезть на стену. Некоторые возгласы стали бы откровенно атаковать меня: “Я тебя ненавижу!”.

Борьба между теми, кто хотел бы увести меня прочь к новой свежей жизни, и теми, кто хотел бы вернуть меня к тому-же-старому-существованию, была слишком сильной, чтобы её вынести. В этот момент я скорее вернулся бы к тому-же-старому-существованию и прекратил все эти поиски сознания, если бы мог, но борьба закончилась вничью. И всё потому, что я посадил лучшие из данных мне семян. Кажется, я посадил их в магнитном поле, и это привело к сильнейшей буре. Откуда мне было знать, что, делая так, я поставил под угрозу самое своё основание. Наивный, я думал, что моя целостность меня освобождает, что это было очень просто, в то время как отдельные мои части ощущали, что их искореняют.

Не в состоянии более лежать с этим безумием в голове, я встал с постели и повлёк самого себя на прогулку. Моё тело чувствовало себя так несогласованно, так дисгармонично, что оставаться в моей коже было просто невыносимо. Я заставил себя уйти из Марсалфорна и двигаться к холму; было, должно быть, около 2 часов ночи. Я поднимался, и поднимался, и поднимался, пока не достиг вершины; во мне была какая-то невыносимая энергия. Последней её частью была моя ловкость в темноте; восхождение по камням было крутым, но я совершил его. Там, наверху, я нашёл Иисуса. Он стоял со спокойным достоинством. Во мне, однако, всё ещё было отчаяние, я был раздраем тысячью желаний, один голос против другого. Что-то во мне, как обычно, пыталось дать им всем пространство, пыталось как-то расслабить их, но это плохо выходило, ничего не получалось. Что ещё можно было сделать? Моё вмешательство было лишь одним из множества голосов. Я обнаружил себя сидящим относительно комфортабельно среди камней в футе от Христа и вдыхающим аромат тимьяна, незаметными куртинами разбросанного повсюду. Эта статуя похожа на одну из тех, что стоят над Рио-де-Жанейро; она, пожалуй, около десяти метров высотой, со ступнями длиной в мою руку. Она похожа на ту статую в Южной Америке, где огромный Христос стоит на вершине холма, но этот Христос, вероятно, значительно меньше, и руки его ниже, и держит он их в более чувствительном жесте. Я стучу по его ноге, она полая, похоже, что сделана из стекловолокна. Она стояла здесь многие десятилетия, судя по датам, выгравированным на ней. Отчаянная шутка прорывается во мне.

“Ты знаешь, что такое Бог?”

“Бог это тот, кого вы просите о помощи, когда действительно нуждаетесь в ней, но не получаете ответа на вашу просьбу. Вернее, мёртвое молчание из пустой стекловолоконной развалины”.

Итак, я нахожусь в психологической неразберихе на вершине холма среди ночи в Гозо. Однако, я не одинок в моей борьбе; кругом, по всему миру противоборствуют разные силы, и продолжается угнетение одних людей другими. Мусульмане кипят, например, в то время как на Западе многие люди невозмутимо отсиживаются в их ирландских домах где-нибудь на Пенсильвания Авеню, принимая односторонние решения о хорошем и плохом, правильном и неправильном, в результате - мщение.

Как бы то ни было, мои мучения продолжались. Шум возрастал в невыносимом напряжении: возглас, возглас; вопль, вопли; плач; ненависть; боязнь, страх; детские голоса, взрослые – суматоха. Наконец, среди всего этого я воскликнул, *Я не могу сделать это один, мне нужна помощь, пожалуйста, пожалуйста, помогите мне.* Я вложил всю ярость, которая была во мне, в свой рот и в этот крик, направив его к неизвестному миру. Внезапно всё стихло: абсолютная тишина. Тишина, которая была вполне ожидаема на вершине холма среди ночи, была внезапно дополнена моим глубоким внутренним спокойствием. На мгновение наступил мирный покой. Та часть меня, которая удерживала всеобщее сознание, которая могла бы осознать природу голосов, поняла свои пределы в этой схватке и пронзительно вскрикнула. Вскоре после этого, среди тишины, я накрыл себя моей курткой. В наслаждении тишиной и успокаивающим ароматом тимьяна пришёл час, когда я мог бы, наконец, пойти домой и лечь спать в мою уютную постель.

“В то время, как он спит, я буду говорить. Этот глупый писатель думает, что он когда-нибудь достигнет успеха в его поисках сознания, но я-то знаю, что он никогда его не достигнет. Он очень напуган произошедшей переменой, и я уверен, что дальше так и останется. Он думает, что может провести меня, но я гораздо быстрее, чем он. Я владею волшебством, и в моём теле целый универсум. В те времена, когда он приблизится к решению, если приблизится, я убью его – или я его, или он меня, иначе не может быть, ибо я спрятан в пространствах между его мыслями. Он почти всегда слеп по отношению ко мне. Глупец думает, что его мысли принадлежат ему. Если он обнаружит меня, я использую каждую мысль в его голове против него. Я причиню огорчение, угрызение совести, вину – кучу вины. Я расставляю капканы на каждом повороте, создам ему тяжёлое положение, чтобы потом наслаждаться, видя его падение.

Одной из первых его мыслей, когда он проснётся наверху этого холма, будет та, как ловко он заставил смолкнуть голоса, как хорошо он сумел устранить силы и следовать природе, но он не сможет осознать, что в этот момент я поймал его в ловушку. Он снова на своём пути, оседлав вечно-растущий клубок чванства, и подвёл его к этому именно я. Я колю его остриём того, что он называет своим ‘эго’, и скоро он упадёт. (У меня есть несколько очень острых гвоздей.) Он думает обо мне, как о своём критике, и я более чем доволен этим; я получаю больше, когда он борется со мной.

Я тот, кто управляет сознанием, и это факт на вечные времена, не может быть ничего другого, и вам лучше поверить в это. Я сказал, что убью его, и сделаю это, если буду должен, это вовсе не забава. Что мне нравится, так это видеть его падение снова и снова. Мне нравится видеть его в гибельных ситуациях, в глубокой депрессии, полным

вины, раскаяния и боли. Поскольку я давно поощряю его так называемое эго, я схватил его навечно; он моя еда; его тревоги это моя радость. Я буду правильно управлять им до самого конца его мышления, а его мышление не способно вскоре измениться, я вижу, что это так. Он попадался в мои ловушки всю свою жизнь: я отправляю его в депрессию; я создаю его потери в любое время; я закладываю его нос и причиняю болезнь; я запугиваю его пустотой и видениями. Я анти-дело, когда он делает дело. Я не имею жалости; такая позиция сентиментальна и не для меня. Он всегда движется к мягкости, к дружелюбию, родственному выражению. Он приспособлен быть за пределами веры, он хочет нравиться, хочет быть человечным. Там, где он не может идти, живу я. Я никогда никому не полезен, всегда противостою его уравновешенности и приспособленности, всегда готов к этому.

Его бессознательность лишь один из аспектов моего извечного высвобождения. Моя работа наиболее успешна, когда он общается с другими людьми; там у меня карт-бланш. С людьми он должен приспособливаться и погружаться в ожидания. Он убеждающий, он связующий, кровельщик, работающий в целях безопасности, но я не владею ни пером, что могло бы коснуться бумаги, ни кистью, что притронулась бы к холсту; моя черта – отстранённость. Я контролирую любую мысль во взаимоотношениях, и, самое главное для него, остаюсь всегда бодрствующим. Видите, люди не только не знают, что я существую, но и не могут поверить в это – я могу говорить громко. Я влияю на рождение человеческой мысли и также контролирую её. Он говорит, что я страдаю манией величия, и что я причина войны, но никто не поверит в это; он говорит, что я причина всех болезней, любого нездоровья, пагубных привычек, голода, раздора всех видов, но он сумасшедший, он не знает ничего. Реакции людей это их гибель; его реакции это его гибель. Я уверен, что он сохранит это реагирование до самой его кончины.

Когда он говорит о пустом монахе, он говорит обо мне. Он возвеличивает меня, и я помогаю ему выстроить эту иллюзию относительно его опыта. Он победил в этой битве с монахом и вышел из депрессии, но я вскоре перевернул дощечки снова и отправил его назад, в его обычную бессознательность. Он побеждал несколько раз – с носом, с ключом, со всей этой чепухой; незначительные мелкие победы, но он соскальзывает назад. Когда он говорил об 'Экстернализациях', это было моё сознание: когда он гулял пустым по дороге, тоже моё. В любых творческих прозрениях, которые у него когда-либо были, он пользуется моей природой для восприятия. Несколько раз он принимал мою форму, но каждый раз я снова внушал ему бессознательность. Тут всегда либо он, либо я, иного не дано.

Когда он говорит, что он ухватил меня, я где-нибудь ещё, что-нибудь ещё. Если бы он действительно серьёзно овладел мной в течение хотя бы двадцати часов в день, вернее чем сейчас, то, возможно, у него был бы шанс – но я работаю все двадцать четыре часа в сутки. Я делаю то, что я есть, и это всё, что я делаю. О'кей, он управился с голосами в его голове, которыми говорил я, но он в действительности слабый оппонент, в нём нет ни прямоты, ни безупречности. Я действую в соответствии с природой, которая выражена в моменте; он же действует в соответствии с его любимым мышлением, веря, что это вся истина. Нормы человечности это его мерная палочка, и он живёт в соответствии с этим. Это делает его моим рабом, в то время как я пирую его плотью.

Расчистка дороги

После нескольких часов сна возле статуи я проснулся с одеревенелой спиной и повернулся кругом, чтобы принять более удобное положение. Несмотря на боль в спине, мой разум был в спокойном, даже безмятежном состоянии, когда я вспоминал пережитые муки. Когда-то, в моих прогулках и путешествиях, одна мысль вкралась незаметно, что я был только один из тех, кто вовлечён в мою жизнь: что я нёс ответственность за всё это. Я думал, что мог бы контролировать свои мысли, думал, что мог бы воскресить свободу в любое время. Я соскользнул в отождествление с силой и забыл, что моя натура не способна справиться с тем, что за этим последует. Двигаясь по этому пути, я потерял мягкость, доброту и открытость по отношению к мудрости 'быть вне': эта 'тёплая ночь', которая привлекает и удерживает, как женское лоно. Размышляя вновь об этих голосах, я думаю, что любой обычный мой крик ничего не мог бы изменить, это цепляние продолжалось бы, и мои возгласы были бы только одним из множества голосов. Он должен был быть правдивым, даже безупречным, из самого основания моего бытия – криком, который содержал в себе все голоса. Сейчас я чувствую себя, как художник Дзен, который мастерски исполнил свое творение; один пронзительный момент 'крика', который обрывает все голоса безумного и парализующего толка; голоса, которые отказываются взойти на космический корабль.

На востоке неба появился восходящий свет – ясный и нежный алый цвет растекается в полупрозрачную ваниль на горизонте. Всё ещё спокойный и расслабленный, я бродил мысленно по различным частям опыта, который я имел на этом острове. Я чувствовал любовь и признательность за помощь, которую я получил, и за рост сознания в большей части различных ситуаций: способность проникать под поверхность реальности; смирение, которое обеспечило безопасность; двери, открытые для любви к себе и к другим; дар 'экстернализаций', дающий выход из себя без необходимости контроля и ответственности; просто радость, которую давало мне восприятие и понимание сущности жизни; интуицию, самое трудное и самое поразительное – всё это требует остановить время, остановить мир, стремящийся к бессмыслице. Добавим также радость от ума новичка и песни, говорящие на языке души, которые выходят как цветы из безумного живота. Эти и другие дары даны мне неясным, верным, щедрым, многообещающим и часто пугающим процессом, который единственно мог бы обеспечить понимание или адекватное выражение словами. Но это мимолетные ощущения, а жизнь идёт, настроение меняется, и я обусловлен меняться вместе с ними. Глубокое сознание никогда не пребывает с нами постоянно, и я готов умышленно оставить его. Встаю, иду домой, и в постель спать.

Время ланча, и я снова иду на центральную площадь в Виктории. Всё та же толкучка и суета, люди фланируют, глядя на прилавки в магазинах, расположенных на углу площади – солнцезащитные очки сдвинуты к носу, широкополые шляпы от солнца, часы, одежда всех видов и ярких расцветок, дамские сумочки, чёрные и коричневые бумажники, кошельки с мелочью, блестящей на солнце. Другие сидят за столиками в кафе, используя время ланча по назначению. Я нахожу свободный столик и быстро занимаю его.

У меня с собой моя палка; это священная палка, около восемнадцати дюймов длиной. Когда комический корабль вновь привиделся мне во сне, голос сообщил мне, что человечество заблудилось, и что каждый человек на земле должен просто встать, поднять палку и взойти на борт корабля. И без но, без если, без слёз. Мы, человечество, пошли к кораблю и поднялись на борт - конец. Я вытащил палку из ограды, чтобы закрепить это сознание, пришедшее во сне. Я позвонил своему другу, психотерапевту, и попросил его помощи в осмыслении сна; он был одним из моих наставников, который обучал меня в этой сфере.

Он спросил меня, что я ассоциирую со словом 'человечество'. "Сон не говорил *люди* или *каждый человек*", продолжал он, "он сказал, что *человечество* заблудилось". "Я полагаю, *быть человеком* или *иметь человечность*", отвечал я. "В таком случае", сказал он, "сон предполагает, что 'иметь человечность' это твоё заблуждение. Быть заботливым или оказывать поддержку подходит для любого человека, кроме тебя, так, кажется. Ты должен оставить всё это и проявить беспристрастие – остаться на космическом корабле".

Я был шокирован, узнав, что я заблудился в своём заботливом отношении к людям, и что такая позиция невнимательна к моей истинной натуре. Я не был готов спорить с ним, я мог лишь осмыслить истинность того, что иметь человечность было заблуждением, которое я допустил в своей жизни.

Таким образом, я вытянул из ограды палку, нечто вроде ветки дерева, и оставил её как крючок, напоминающий мне о прямоте, непреклонности и искренности – иметь меньше человечности. Я учусь обращаться с палкой во взаимоотношениях, бросать вызов другим и оживлять различные ситуации внутри и вне меня так, чтобы скорректировать своё заблуждение. Когда я общаюсь с людьми так, как могу, я размышляю, что должна делать палка. Если мне скучно, если я в саркастическом настроении, если меня принуждают тем или иным образом приспособляться, если я не свободен в собственном выражении, если я не способен быть самим собой, будь даже кто-то другой расстроен моим поведением, тогда я задаюсь вопросом "Что должна сейчас делать палка?". К тому же, мой психотерапевт предположил, что в соответствии со сном, я должен был бы жить так, как будто я во внешнем пространстве, в то время, как моё тело в этом мире. Таким образом, моя цель – не конфликтовать с самим собой.

Уже минут пятнадцать я жду, пока меня обслужит официант. Все столы и стулья, расположенные на площади, окружены красочными прилавками магазинов со всем их содержимым и дорогой, обходящей их по кругу. Через дорогу с оживлённым движением находятся здания кафе, где подают различные блюда и напитки. Здесь множество кафе, которые кормят площадь и всякого, кто имеет свою секцию в её внутреннем пространстве. Я попробую быть яснее: вообразите площадь, окружённую зданиями и центральной улицей по одной её стороне; это улица, которую пересекали священники. Есть и другие улицы, поменьше, по трём оставшимся сторонам площади. Как коробки, вложенные одна в другую, там образуются площадки, около тридцати шагов в длину, которые ограничены прилавками магазинов, и внутри каждой площадки разные секции, принадлежащие нескольким кафе. Четыре человека, пришедшие парой минут позже меня, сидят за ближним столом, недружелюбно поглядывая на официанта, пересекающего центральную улицу. Он поступает должным образом, не торопясь ко мне, а оценивая взглядом более доходную для него четвёрку.

Я показываю своё недовольствие незамедлительно, покидая его столик, чтобы пересечь за ближайший в другом кафе – у него голубая униформа, а в другом кафе красная. Спустя какое-то время, я вспоминаю свой принцип палки и возвращаюсь на первоначальное место.

В конце концов, он уходит снова и проходит мимо меня, даже не заметив, что я уходил и вернулся. Его повторное путешествие я пытаюсь оборвать, подняв свою палку. Он останавливается.

“Я могу вам помочь?” спрашивает он.

“Я торчу здесь уже целую вечность и чувствую, что вы игнорируете меня”.

“Нет, это не так, я просто очень занят”.

“Но вы прошли мимо меня, чтобы обслужить другие столы”.

“Я очень занят” повторил он.

Я объяснил ему, что предпочёл бы поесть в ближайшем кафе потому, что не чувствую должного ухода здесь. Он пожал плечами, и мы оба тут же покинули сцену. Но он всё же запомнил меня после этого, и в последующем всегда хорошо меня обслуживал.

Когда я сел за красный столик, ко мне подошёл мой новый приятель, с которым я познакомился несколько дней назад на автобусной остановке, и опустился на соседнее место, улыбаясь, как обычно.

“Рад видеть вас снова”, сказал он. “Как поживаете?”.

“Отлично!” отозвался я с недоверчивой усмешкой. “Я так и думал, что увижу вас здесь сегодня”.

Мы посидели немного, болтая друг с другом. Мой новый приятель одевается так же цветисто, как прилавки за его спиной. Он знает всех здесь и, с тех пор, как я здесь, он узнал и меня тоже. Он работает на улице, забирая мусор из баков и поддерживая чистоту в городе – ему пятьдесят лет, это дата. Его кожа выдублена, но глаза не способны утаить юношеский блеск. Его зовут Рауль, у него спутанные светлые волосы, и где он только не побывал – в Индии и тому подобное. Перед тем, как он в первый раз заговорил со мной, я видел его болтающим с молодыми симпатичными девушками, которых он, как я позже выяснил, убеждал посетить ночной клуб – ещё одно его место работы. Было видно, что они не могли перед ним устоять. Он совершенно открыт для меня, маленький человек, и что-то такое есть в его прогулках с широко расставленными ногами по длинным пыльным улицам; живое воплощение урбанистического оптимизма, когда он медленно фланирует по городу. Невозможно представить его избегающим местного общества, он никогда не уходит в тень, вся его глубина на поверхности. Я рассказал ему о моей стычке с официантом.

“Ох”, сказал он, “этот парень... Он женат на моей сестре. Вы знаете, он из Северной Африки. Они ведут себя странно; он ударил мою сестру по лицу на следующий же день после свадьбы”.

“Что!!!”

“Да, поставил синяк под глазом”.

Было видно, как официант, стоящий у двери кафе, одной рукой держит чашку, а другую сжимает или в защитном жесте, или прячет в угрозе кулак.

“Когда я поругался с ним”, продолжал Рауль, “он сказал мне, что не может смотреть моей сестре в лицо после того, как он её ударил. Я сказал ему, что он не только малодушный трус, поскольку бьёт её, но он ещё и тешится собственной виной; я не могу

даже смотреть на его работу; не могу одобрить то, что он делает. Это пугало прячется – трус!”

Затем Рауль попросил меня взглянуть на официанта и спросил, “Что вы видите?”.

“Он похож на человека, который мог бы держать себя в руках, он сильный, но я думаю, что он человек настроения. Он как будто чего-то избегает, похоже, всё время в дурном настроении”.

“Я расскажу вам, в чём его проблема”, продолжил Рауль, “он драчун, который всегда ищет лёгких путей, ищет облегчения. Если вы посмотрите на него феноменологически, без ваших идей о нём, беспристрастно, то увидите, что он драчун, боксёр, который ищет драки в любой ситуации, бах бах бах. Он повсюду создаёт напряжение, только таким путём он расчищает себе место. Но он пренебрегает бойцом, и это опасно для него. Этот драчун появляется неожиданно и бьёт беззащитного, а затем наслаждается собственной виной и недостатками”.

“Если вы действительно примените феноменологию, можете увидеть то, что прямо перед вами, не нужно что-либо придумывать. Посмотрите на него, он полон напряжения и всё время стремится избавиться от этого. Его глаза напряжены, плечи тоже, и драчун в нём старается овладеть им. Вот почему вы связались с ним; напряжение его тела передалось вам. Боец в его теле мечтает о драке, это так очевидно, если вы раскроете ваши глаза. Понятно, что я подразумеваю?”

“Да”, сказал я.

Он взглянул на меня дружелюбно, как обычно, и спросил, “Действительно?”

“Да, понятно”, отреагировал я, “это о непосредственном знании, которое сосредотачивается на опыте, а не на идеях”.

“Вы поняли” и он продолжил своё заключение.

“Я уборщик улиц, я научился пользоваться мудростью, вытекающей из движения. Это состояние мудрости, а не процесс размышления. Вы можете осмыслить что-то, когда вы вне этого. Но когда вы внутри, вы ошиблись”.

Я заметил, что со взглядом Рауля что-то не так, когда он разговаривает – он казался отсутствующим.

“Если бы вы следовали вашим движениям, сознавая, что ваши мысли только абстракция, тогда вы были бы свободны относительно него. Да, это он, бах бах бах, драчун в действии, бах, бах, в разговоре, всегда готов, всегда знает, кладёт людей на лопатки. Но это пугало не представляет, кто он, плавающая в мешанине своих мыслей и чувств. Он в опасности потому, что когда-нибудь появится другой бессознательный боец и нанесёт ему вред”.

Он попросил меня подмести площадку прямо передо мной, чтобы посмотреть, что я улавливаю, но я не мог этого сделать, по крайней мере, не тогда.

“Как вы это делаете так легко?” спросил я.

“Практика! Я феноменолог, я практикуюсь всё время”.

“Что вы видите во мне?” спросил я. Он отвечал, не глядя:

“Вы мучительны в своих мыслях, ваша ноша очень тяжела, вы воюете с самим собой”.

“Не думаю, что я согласен” среагировал я.

“Что ж, с одной стороны вам действительно тяжело, а с другой, вы не доверяете своим мыслям. Но я убеждён в своей догадке потому, что это верно для каждого”.

“Так значит, феноменологи тоже гадают, как и все мы” вставил я, чувствуя себя слегка обиженным.

“Эта тяжёлая ноша помещается в мыслях каждого из нас. Мы привыкли в нашем мире полагаться на мышление так, как будто это одна лишь мудрость. Ноша часто очень тяжела, ответственность очень велика. В античные времена здесь и во всём мире люди имели приметы, знаки, сигналы, знамения; все виды событий вне них самих, которые были завещаны мудростью и могли направлять путь человека. Всё, что мы имеем сейчас, это мы сами или наши мыслители”.

Он засмеялся, и я спросил его, что здесь смешного.

“Потому что мышление многогранно, но я также чувствую боль за процесс. Мышление должно оставаться, полагаясь на себя, прорабатывая это все в целом, несмотря на то, что это центр универсума. Этот процесс чрезвычайно одинок, чрезвычайно одинок, и зачастую наш путь к нему очень труден. С одной стороны, мышление это обмен информацией, внутренний и внешний. Однако, оно также представляет часть нашей природы, выражающей себя, и, как таковые, мы должны дать больше пространства для всех наших частей и их методов познания”.

Когда он сказал это, я подумал о бешеной вспышке моих собственных внутренних голосов предшествующей ночью и о том, не знает ли он нечто более глубокое об мне.

“Иногда древние люди следовали приметам из-за страха, по крайней мере, это то, что нам, современным людям, с нашим ненадёжным процессом накопления знаний, нравится думать. Но для большинства людей древности приметы указывали на состояние, состояние того, что было вне их самих, и что они могли бы населить. Эти люди знали, что там было нечто большее, чем они, нечто большее, чем их мышление, и чему они могли доверять. Это нечто было гораздо величественнее, чем они, и к тому же, чтобы знать мудрость примет, они должны были быть частью этой мудрости. Если вы знаете мудрость примет, по определению, вы находитесь вне самого себя. Эти люди не были бессознательно одиноки или бессознательно обременены, как мы; они разделяли мудрость Универсума и могли опираться на неё потому, что они знали, что они сами были выражением её. Как я уже сказал, они были не одиноки, как мы, но на каждом шаге своего пути их сопровождало нечто великое. Всё это феноменологически, но вы бы никогда не догадались об этом, если бы были мыслителем”.

Затем он поднялся со своего стула, как если бы внезапно вспомнил что-то.

“Я уйду”, сказал он, “нужно кое-кого увидеть, выбросить вашу палку в мусорный бак?”

“Да, о’кей – нет, я подумал, что она ещё пригодится”.

“Не забудьте, позаботьтесь о мышлении, оно нуждается во всякой помощи и любви, которые может получить”.

Поскольку он ушёл, я мог послушать птиц, щебечущих на деревьях вокруг, зовущих друг друга, но я не обратил на них особого внимания.

Сигналы, знаки и приметы

Я наслаждаюсь здешней толкучкой и суетой, я счастлив быть в этом красочном кафе и писать прямо сейчас. Рауль ушёл около пяти минут назад. Два человека сидят за столиком, который я освободил ранее. Когда им принесли еду, они вступили в спор с

официантом, страдающим комплексом вины. Я не могу слышать, о чём они говорят, но они тоже недовольны им. Здесь, за красным столиком, новый официант приходит, наконец, обслужить меня. Я здесь уже около сорока пяти минут, но он не приближался ко мне. Я делаю ему заказ, но он не платит мне особым вниманием, даже не записывает то, что я говорю, а лишь бесстрастно смотрит, что происходит вокруг. Он идёт дальше и принимает заказ от других троих посетителей, тоже ничего не записывая. Затем он убирает столик для ожидающих клиентов, и в то же самое время он разговаривает с местными приятелями, которые проходят мимо. Мне интересно, слышал ли он вообще, что я ему говорил, не говоря уж о том, чтобы вспомнить мой заказ. Через короткое время он приходит с едой для меня и для других людей тоже; всё в порядке. Я продолжаю наблюдать за ним, он меня восхищает; мне импонирует его расслабленная действенность в таком хаотическом месте. Он был так занят, что не подходил ко мне довольно долго, но я видел, что он проявляет заботу о каждом клиенте и обслуживает всех с искренней учтивостью. Мне кажется, он любит людей, любит свою работу. Поддерживать отношения или примениться к кому-то не проблема для него. Ему не нужна палка, он гибок со всеми, человечен без всяких вопросов.

Все столики ещё заняты, но пик времени ланча уже пройден и, поскольку я пишу, он походит ко мне поболтать:

“Как жизнь, будьте как дома в моём кафе, времени достаточно”. Он любопытствует, видя, как я пишу.

“Это ваша палка?”

“Да”.

“О, о’кей, я думал, это просто мусор”.

“Нет, она моя. Наплыв клиентов закончился?” спросил я.

“Нет, в два с четвертью придёт автобус с людьми, я начну снова, но я присматриваю за ними”.

Много русских, вероятно.

Он занят, но работает без спешки и беготни. Он никогда не спешит, я так думаю, с того дня, как он родился. Он удачно ведёт своё дело, неплохо зарабатывая. Позже, вечером, я видел его в городе на очень дорогом автомобиле.

Вскоре я замечаю другой конфликт за несколько столиков от меня – должно быть, сегодня день такой. Два гея вместе с матерью одного из них стоят рядом с гетеросексуальной семьёй, которая состоит из родителей и их ребёнка, подростка, сидящих за столиком. Семья с ребёнком закончила кушать, и мой невозмутимый владелец убрал за их столиком перед тем, как пришла семья с геями. И вот сцена: семья геев ждёт столика, за которым сидит правильная семья, но те и не собираются двигаться; при этом все осведомлены. У столика стоит запасной стул и, в конце концов, один из геев спрашивает: “Я могу здесь присесть?”. Семья расслабленно кивает – что им ещё делать? Но они не встают, чтобы уйти. Мать и другой гей остаются стоять. Пока они стоят, все виды телесных сигналов витают вокруг: агрессия, страх, застенчивость и более всего – гнев. Около моего столика есть три стула, я перехожу и предлагаю эти места. Поскольку один из них уже занял место рядом с сидящей семьёй, он отказывается двигаться; все вместе они похожи на строевой лес.

В конечном счёте, наш официант видит проблему и спрашивает молодую семью, не готовы ли они уходить, чтобы решить проблему с местами. Родители и ребёнок

презрительно улыбаются, как бы спрашивая: “Как они думают, кто они такие?”. Весь этот эпизод выглядит скандальным; ядерная семья представляет всю мощь общества, стоящего за ней. Они идентифицируют себя с запуганными жертвами, и хотят понять, насколько сильную поддержку они получают от окружающих в отношении к семье геев, которая должна выдержать все виды предубеждений и даже опасность. Если бы они действительно знали, что их ценят высоко и что оценка геев занижена, они были бы, возможно, более великодушными. За молодой семьёй была такая мощность, о которой они даже не подозревали. Кто-то ещё за соседним со мной столиком изогнулся и сказал, “Эти семьи – я не могу жить с ними, и я не могу жить без них!”. Я уже достаточно насиделся; я решаю пойти прогуляться к городку Саннат и клифам, расположенным за ним.

Встаю и иду по полуденной жаре, вскоре чувствую, что меня тянет пойти в немного другом направлении к дорожному указателю. Туда идти дальше, но меня разбирает любопытство относительно этого направления. Я блуждаю по глухим дорогам, идущим из Виктории, прохожу какие-то оливы со зрелыми плодами, и затем далее, по сельской местности в мешкообразной седловине. В какой-то точке я заблудился. Не имею понятия, где я. Наконец, я вижу старика с сумкой на одном плече и мотком проволоки на другом. Я приближаюсь к нему.

“Я ищу клифы, вы не знаете, как к ним пройти?”

“Да, клифы по этой дороге”.

Он идёт в том же направлении, поэтому я сопровождаю его. Мы идём, болтая, по лесному району с фермерскими расчистками около часа, и я наслаждаюсь его кампанией и разговором. Мы беседуем об англичанах, и, очевидно, они ему нравятся. По его рассказу, когда он был ещё мальчиком, он исполнял поручения британских солдат в Ксленди, и продавал им различные вещи, которые для них делал. Будучи сам ирландцем, то есть, колонизированным островитянином, я был удивлён его позицией. Некоторые ирландцы вряд ли бы поняли, что британские угнетатели могут нравиться. Британцы были на Мальте двести лет и получали поддержку Рыцарей Мальты, которых они вытесняли. Возможно, я думал, британцы находились в хорошем расположении духа, когда были здесь; может быть, влияла погода. Они, безусловно, не были в хорошем расположении духа в течение восьмисот лет в Ирландии. Но тогда ирландцы это тяжёлый жребий, они совсем другие по отношению к англичанам, я думал, и в этот момент чувства захлестнули меня. Я понимал осознанно, что ирландцы схватывают вещи иначе; используют жизнь по-другому; тугая хватка в наступлении с быстрым отскоком; динамическое, эмоциональное отличие, если взглянуть со стороны.

Недавно я читал книгу об ирландцах. Римляне заселили Британию несколькими столетиями ранее в нашей эре и принесли с собой, среди других вещей, новые пути мышления. Они научились от греков подходить к природе с точки зрения Логоса – слова. Новая перспектива позволила римскому миру рассматривать природу как идею и пользоваться языком как средством представления и абстрагирования от опыта. Так британцы, вместе с остальной Европой, развили рациональное мышление и логику. Ирландцы, с другой стороны, вовсе не имели удовольствия видеть римские войска, поскольку римляне не беспокоили Ирландию, оставив тем самым ирландцев продолжать путь античных людей, путь Муфоса, или мифа.

В этом, так называемом примитивном подходе, люди и природа не разделены, но являются выражением богов. Муфос это акт богов в их творчестве и подобных делах: поскольку боги мыслят, то их мысль имеет три аспекта: она есть одновременно мысль, слово и действие – когда они думают о чём-то, тогда это сразу же становится реальностью и проявляется в мире. Подобным образом, когда падает камень, он оживлён силой, которая заставила его падать, и такая сила могла вселиться в наблюдателя. Это подобно открытиям в субатомной физике; наблюдатель и наблюдаемое связаны друг с другом, переплетены, так же, как частица и волна. Так для ирландцев, как для поэтов, слова имеют силу, энергию в самих себе. Люди наделены двумя различными ролями или перспективами: одни со стороны Логоса – учёный, философ, бизнесмен и так далее; другие с Муфосом, с интуитивным мышлением – артист, мечтатель, поэт. С перспективы Муфоса, когда слова говорят о сне, то слова начинают спать. Когда слова говорят о слушании, тогда слова сами слушают. (Прекрасный тому пример творчество Джеймса Джойса). Интеграция с Муфосом так совершенна, что слова и конкретное, и воображаемое одновременно. Вещи, внутри их самих, это реальность, о которой они говорят. Книга говорит, что Миф более чем иллюзия, он проявляет в реальности скрытую сущность и вдохновляет физические, психологические и социальные структуры исходить из сердца в его указаниях. В любом случае, похоже, что ирландцы ориентированы более на Муфос, а британцы на Логос. Возможно, это различие лежит в основе многовекового конфликта между ними.

Мы вместе, старик и я, беседуем о скважинах и постоянной нужде в воде; мы разговариваем о жизни на Гозо в прошлые времена, и мы говорим также о людях, стреляющих птиц, которые прилетают из Африки. Пока мы идём, мы слышим ружейные выстрелы, и он рассказывает мне о том, как они ловят птиц силками. Наша беседа была продолжительной, поскольку мне он нравился – когда у меня есть к человеку сотни вопросов, это означает, что он мне нравится. Он говорит, что браконьеры убили двух последних мальтийских соколов в 1982 году, и что теперь они вымерли. Затем он говорит мне о гордости за женщину, которая первой измерила и определила высоту клифов со стороны моря, к которому мы сейчас спускаемся сверху – очень хороший человек тот, кто гордится достижениями женщины в мире Средиземноморья, где мужчины полностью доминируют. Наконец мы прибываем на место, к которому оба стремились. Его земляной надел находится на самом краю клифа.

Я никогда перед этим не был на кромке такого высоченного, отвесного клифа; под моими ногами примерно 200 метров обрыва. Он показал Мальту и потом Комино: остров ещё меньше, чем Гозо. Затем он сказал, скрывая улыбку за своими прищуренными глазами,

“Вот где я развлекаюсь”, указывая на свой надел, “Ныне я выращиваю лук и чеснок”.

“Я могу вам чем-нибудь помочь?” спрашиваю я.

“Нет, любуйтесь видом”.

Это сад в раю. Я сижу на солнце на краю гигантского обрыва, над которым болтаются мои ноги, и думаю о бешеных голосах, которые недавно толкали меня к безумию. Лёжа здесь, я не могу понять, почему те голоса были в такой суматохе, когда я отбросил свою идентичность. Если бы я прыгнул сейчас с этого уступа, то в этом падении было бы не меньше паники. Мой разум вновь возвращается к Муфосу. Муфос и квантовая механика достаточно схожи; это высоко интегрированные системы, которые имеют дело с

творчеством и поддерживают человеческую жизнь и человеческий дух. Возможно, в будущем физики в своей неопределённости будут доверяться приметам, знакам и символам – точно так же, как наши предки – я подозреваю, что когда они взаимодействуют с частицами и тому подобными вещами, уже так и делают. Я думаю, что в будущем будет полно физиков шаманов, пляшущих по кругу в их лабораториях, с тёмными духами у них за спиной.

Старик и я – мы счастливы вместе; мы оба делаем своё дело, хотя между нами есть расстояние. Я лежу на своей спине на гигантской каменной плите с одной ногой, всё ещё свешенной вниз, в то время, как он бездельничает. В своей задумчивости, прикрывая глаза одной рукой и опираясь на землю другой, я поднял что-то такое, что показалось мне сначала плоским камнем. Я поднял его случайно и был изумлён, увидев некую окаменелость, по образу и форме очень похожую на летающую тарелку, которая прилетала за мной. Она имела ту же двухъярусную структуру и похожие на окна формы по краю вокруг, объединяющие оба яруса; какой-то вид ископаемого аммонита, я полагаю.

Несомненно, между Африкой и Европой были движения тектонических плит, которые создали Мальтийский архипелаг, и потому здесь было немало морских раковин, включенных в скальную породу. Это была одна из таких раковин. Это ощущалось как соглашение между обыденным миром и миром сновидений – и знак, примета. Её находка давала мне надежду, что корабль всё ещё где-то здесь, заигрывает со мной. Это принесло мне ощущение счастья, что я не покинут в своей боязни обманки. Немного позднее, поразмыслив о связи между кораблём и раковиной в моём кармане, я попрощался со стариком, сказав, что рад буду увидеть его снова, и пошёл вдоль верхнего края клифа по направлению к Ксленди. Он напомнил мне моего отца, когда мы разошлись, они оба были работяги; мне понравился старик, несмотря на то, что я больше мечтал вблизи него.

Нечаянно в цель

Я читал о всемирно известной базилике Та Пину, поэтому решил пойти взглянуть на неё. Чтобы попасть к ней, я пошёл по направлению к маленькому городку Гарб. Пройдя три четверти пути, я повернул налево к базилике; пришёл, увидел и пошёл дальше – это для кого-то, но не для меня. Далее по кругу, проделав путь к Гарбу и оттуда, я вновь вернулся на дорогу назад, к Виктории, совершив тем самым путешествие вроде петли для повешения – вверх, по кругу и назад, вниз. В одном месте я присел отдохнуть, сел на низкую стенку в тени, чтобы немного охладиться. Тогда это и случилось. Я оставил там свою цифровую камеру, мою новую игрушку, мою радость и гордость. Я как будто потерял часть самого себя, не мог бы поверить, что это принесёт такое страдание. Реакция на потерю была сверх меры. Обнаружил я потерю, когда вернулся в свою квартиру, посмотрел во всех карманах рюкзака, под столом, снова в сумке, под подушками, под столом, и так далее, так далее, так далее. Кончено, не могу поверить. Вскоре я сидел в такси, возвращаясь на место потери. Но там камеры не было – где же она? Очевидна, камера на стенке вряд ли надолго останется нетронутой, даже на таком религиозном острове. С 'плохого места', от низенькой стенки, дыры в мире, я пошёл по

пути в Викторию – около четырёх миль – никакого знака, никакого сигнала от моего любимого третьего глаза. Я навестил полицейский участок чуть позднее, и ещё раз, через несколько дней, но безрезультатно.

Где теперь опыт экстернализаций? Где пустой монах? Где великолепное ощущение бесконечности, творческих песенных строк, внутренней тишины? Ничто не важно теперь – я потерял свою камеру и это всё!!! Сначала ключи, теперь камера, как я могу быть таким бестолковым, что за дурная голова у меня? Я просто выбросил 300 фунтов, почему я такой невезучий, такой рассеянный, такой безмозглый? В то время, когда я возвращаюсь назад в Марсалфорн, я напрягаю свои мозги, пытаюсь вспомнить, как я потерял её, перебирая вновь и вновь последовательность событий. Это попытки найти причины вещей, непрерывное обдумывание последствий потери, самокритика с одной стороны, и стремление оправдать себя с другой; и так всю жизнь, в надежде, что можно что-то изменить. Я стараюсь убедить себя в том, что ничего невозможно сделать в подобной ситуации, но это не проходит. Я продолжаю винить себя, принимая в расчёт другие, не связанные с этим проступки, чтобы поддержать вердикт и вынести приговор. На этой пыльной дороге машины мчатся, сгоняя меня и приводя в бешенство. Внутри продолжаются осуждения, приговоры вынесены, и я заключён моим собственным состоянием; объявлен виновным за эгоизм, вещизм, стяжательство и тому подобное. Ещё одна машина мчится мимо с местными людьми, хохочущими и стреляющими куда-то из окон.

“Достали”, бормочу я, “знаю я вас, паршивцев; не удивлюсь, если они что-то вообразили обо мне, чтобы посмеяться”.

Я был так взбешён, что бормотал сквозь зубы. Затем я вновь переключился на самобичевание. Это один из тех моментов, когда критицизм находит на вас со всех углов. *Ты всё пожираешь, ты так мелочен, используешь в своих интересах всё, к чему прикасаешься – пожиратель, пожиратель, пожиратель, молящийся богомол.* Не знаю, как я занял эту позицию, потеряв свою камеру, но чувствовал, что моё эго было молящимся богомолом – эго пожирателя всего, что попадает в поля зрения, как если бы мир существовал для меня одного. Затем пришла мысль другого рода. *Странная идея, мой ум как молящийся богомол – откуда она пришла?*

Я пришёл к другому сознанию, вне моего разгорячённого ума; другой голос, который использовал такие слова, как пожиратель и молящийся богомол. Эти слова не принадлежали к моему обычному словарю. В своём нормальном мышлении я никогда не полагал себя молящимся богомолом, с трудом понимая, что это такое. Однако, в момент повторения “пожиратель, пожиратель, пожиратель” я чувствовал, видел и держал в своём сознании молящегося богомола. Я как-то случайно наткнулся и захватил охотника, замаскированного в моих мыслях. Это был вид редкостной проницательности, которая заставляет вас кричать ‘Эврика’! Неожиданно, я мог идентифицировать себя с молящимся богомолом. Возникла ещё одна мысль. *Если молящийся богомол это эго, то кто добыча? Если есть хищник, тогда должна быть и какая-то жертва. Они обычно ходят вместе.*

На мгновение меня поразило ещё одно осознание: Христос, он ест меня! Я был изумлён; я внезапно вошёл в целостную структуру моей природы и мог тотчас же увидеть движущие силы своего раздражения. Во-первых, я обнаруживаю, что я молящийся богомол, и затем я осознаю, что он пожирает мою идентичность – я еда для хищника! Он

пожирает меня, когда я себя критикую; пожирает, когда я называю себя эгоистичным, называю себя глупцом – молящийся богомол это нападающий критик. Мне становится ясным, что я сам помещал себя на большое блюдо всю мою жизнь. Когда я осуждаю себя, тогда я добыча; когда я сомневаюсь в себе или разрываю себя на кусочки, в тот же момент меня поедают. В самокритике мы не утруждаем себя задуматься о том, что есть две стороны, но они есть. Когда меня волнует то, что другие обо мне подумают, я толкаю себя в ловушку – даю им своё сознание, свою автономию и тому подобное, и я также внутренне пожираем. Чмок, чмок, длинный, невидимый язык возникает ниоткуда, подбирая мои слова, и нет никого мудрее – кроме того, что я чувствую себя раздосадованным, несовершенным и никудашным, так ещё и моя плоть разорвана на куски и сожрана. Это происходило со мной так часто, но теперь я уловил это, я сознаю, что знаю молящегося богомола глубоко и близко; я знаю также множество его форм и проявлений в моей жизни. Этот молящийся богомол есть безусловно эгоизм и эгоцентризм, и он всецело в согласии с этим, даже если вы об этом не думали – есть, жрать, есть, жрать, хрум, хрум. Очевидно, что эта тварь получает лучшие доли.

Когда я трансформируюсь в этого критика, то знаю, что я хитрый охотник, ловчий, хищник, который нуждается для успеха в темноте; стать незаметным даже для самого себя, не оставляя следов; моментально укрыться в обычной реальности, готовясь к броску на жизнь. Я тайный любовник, поглотитель сознания; молящийся епископ; духовный паразит. Я божий хамелеон и дьявольский камуфляж. Я знаю, что дух моего молящегося богомола это освобождение человека и разрушение человека. Когда я поддерживаю свою нормальную идентичность вместе с этой новой перспективой, я осознаю, что молящийся богомол это невидимый враг, который так близок, что мы называем это 'я'. Это тот выбор, о котором я упоминал: можно быть съеденным этим, просто ведя обычную жизнь, или можно учиться у величайшего охотника бесконечности, который непрерывно выслеживает, преследует и захватывает вечную свободу путём осознанного смещения с окружением – с вами. Какую форму выберет ваше сущностное сознание – того, кто есть знание сознания? Всё это я раскрываю, не будучи съеденным. Люди спрашивают, когда кто-то выглядит раздражительным или озабоченным “Что его съедает?”. Я говорю “Что съедает вас?”. Дайте мне разъяснить. Молящийся богомол ничего не делает, но сидит в ваших мыслях, будучи ими. Это сознание, которое настраивает и становится каждой нашей мыслью. Это даосизм. Это 'не-деяние'. Молящийся богомол никогда не будет съеденным, потому что он никогда не дифференцирован, всегда закамуфлирован, всегда в безопасности. Я поймал его поедающим мои мысли, когда я был зол на самого себя. Я был противодействующим, работая против самого себя, и сознание молящегося богомола поглощало всё – пожирать, пожирать, пожирать.

Если вы хотите поймать молящегося богомола, или аналогичного вида образец в вашем собственном сознании, вы просто должны осознать ваши мысли, ничего более; не исследовать их, не анализировать, дайте им функционировать под вашим внутренним наблюдением. Таким путём вы добьётесь больше того, что вы уже делаете, но сознательно, и ваши бесстрастные наблюдения обнаружат тварь, которая поглощает сознание. Молящийся богомол погружён в мир соглашений, смешиваясь с тем, что есть. Таков метод действия этой твари, и раскрыв это, я избежал съедения.

Я чувствовал себя так безопасно и так самоуверенно, что мне хотелось расцеловать кого-нибудь. Я повлёк себя к холмам и, в конечном счёте, через час или около того, присел около небольшого куста чертополоха – жёлтого, женственного, чувствительного – подобного подушке на жёсткой земле. В этих местах кусты чертополоха не имеют стволов, соцветия сидят на земле, ожидая любых насекомых; даже ногой их не растопчешь. Цветок покорила меня своей красотой, запал в моё сознание. Этот непритязательный цветок сидел так, как будто он был приколот к земле; приколот как бутоньерка к петлице жениха. Он сигнализировал любовь; он просто отдавал себя миру – ничего скрытного или тёмного, ничего замаскированного, кроме того, что обычно мы не замечаем сорняки. Чертополох выделялся своей безвредностью, своей безопасностью, будучи совершенно незначительным. Он был настолько же открыт, насколько скрыт молящийся богомол.

Я сел около цветка, оба тихи. Я думаю, он был рад быть со мной рядом, рад, что его видят и ценят, и я чувствовал мягкое внутреннее расслабление – мои чувства были смешанными. В этой неподвижности что-то со стороны привлекло моё внимание. Что-то двигалось, но когда я взглянул туда, там ничего не было. Затем последовало ещё одно движение там. Примерно в трёх футах от меня торчала длинная, стройная, светло-зелёная палка, она-то и двигалась. Я не мог в это поверить – кто двигался? Прямо передо мной был вполне реальный, физически материальный, дышащий жизнью, молящийся богомол. Он висел там не стволе сухого, коричневого сорняка, очень медленно, с усилием продвигаясь вверх, чаще останавливаясь, чем двигаясь; замирая, когда двигался я. В нём было стремление исподтишка достичь нижних веток зелёного куста выше него. Пока я наблюдал за ним, он оставался неподвижным – зелёная веточка на сухом стволе, несравненный, незащищённый – обнаружен.

В первый раз я видел молящегося богомола так близко и, несмотря на то, что я был восхищён и удивлён подаренными мне впечатлениями, это открытие выглядело вполне естественным, даже ожидаемым. Это открытие не было, однако, совпадением; я находился на краю между миром сновидений и объективной реальностью, между двумя парадигмами. Мир сновидений обнаруживает нечто “нечаянно ведущее к цели”. Я чувствовал, что некий организованный принцип – дух молящегося богомола – был включён в это открытие, и в потере камеры тоже, возможно, создавалась ситуация в целом – критицизм, слова ‘пожирать, пожирать, пожирать’, и сейчас, здесь, этот реальный молящийся богомол. Как сказали бы австралийские аборигены, я, казалось, был во “Сне Молящегося Богомола”.

Глядя на это очаровательное создание, я заинтересовался, почему он двигался так медленно, и подумал о том, насколько быстро он способен двигаться. Он почти свешивался сверху вниз на тонком стволе; никогда бы не подумал, что ствол, который с трудом выдерживает порыв ветра, способен выдержать трёхдюймового пожирателя насекомых. Я осторожно придвинулся поближе, ловя мастера ловли, и через несколько минут наконец коснулся его хвостовой части. Когда я вступил в контакт, он среагировал с такой скоростью, так мгновенно перенёсся из отсюда в туда, что мои глаза не смогли уловить последовательность перемещения. Затем он вновь принял неподвижное состояние, вернувшись к своему медленному, упорному продвижению вверх, только когда почувствовал себя в безопасности. Мы оба играли в смертельную игру неподвижности и движения – смертельную, во всяком случае, с его точки зрения.

Пока я наблюдал, он, наконец, достиг зелёного куста и стал совсем замаскированным, усевшись внизу и превратившись чудесным образом в веточку и лист, со всеми его намерениями и целями, исчез – ах, если бы у меня была моя камера! Я бы мог воспользоваться ею, потому что его позиция на коричневом фоне была совершенно незащищённой. Движение против коричневого фона выдавало его, так что у него не было шансов, кроме медленного продвижения к безопасному месту. Скорость и мимикрия служат и оружием, и защитой такого утончённого животного. В первом опыте общения с ним (во время моей внутренней критики) он стал незащищённым, когда я заметил, что слова ‘пожирать’ и ему подобные были несравнимы с моим обычным мышлением; такие слова, как пожирать и молящийся богомол, выделялись как зелёная палочка на коричневом стволе.

Это неподвижное создание в обычном мире времени и пространства охотится на насекомых, но в мире сознания оно преследует мысль, преследует самокритику, пожирает незащищённых саморазрушителей. Такой ненасытный аппетит поддерживается в нём состоянием низкого самоуважения, поддерживается самой жертвой, самой добычей. Но чтобы захватить внутреннего молящегося богомола, надо войти в его сознание и стать им самим в процессе трансформации из укрытия жертвы. Однако, вы не уловите его ни вовне, ни внутри, без случайностей, происходящих ‘нечаянно, но ведущих к цели’. Мне был дарован этот опыт; молящийся богомол обнаружил себя в качестве партнёра в поисках сознания. Поймать его без какой-либо помощи было бы для меня слишком большим искусством. Однако, может быть, я обманываю себя в том, что именно я обнаруживаю молящегося богомола. Более вероятно, молящийся богомол сам превращается в меня – распространяя себя в физический мир; расширяя свою территорию за пределы моего самосознания, выходя на более широкую арену. Термин ‘выживание наиболее приспособленных’ был всегда односторонним взглядом на естественные процессы. Не лучше ли говорить ‘триумф сознания’? В природе мы являемся очевидцами жестокости животных в борьбе за выживание, но на уровне сознания, за пределами таких столкновений, ничего не может быть потеряно, и всё ко благу. Природа, более вероятно, является не местом дикости, но местом любви, любви к самому себе Бытия, раскрывающего себя.

Знание молящегося богомола говорит о том, что его энергия даётся только тому, кто готов отказаться от своего старого знания о самом себе. Этот само-экзамен опасен потому, что вы не знаете, кто охотится за этим знанием. Оно говорит: оставайтесь незаметным, скрытым даже для себя; откажитесь от вашей истории, от вашей идентичности; оставьте тех, кто знает вас, потому что это знание раскрывает вас, отражает вас, фиксирует вас, и таким образом вы уже усвоены, классифицированы. Возложенная на себя незаметность, однако, включает сознание; включает опыт настоящего момента, и таким образом вы поддерживаете все-расширяющуюся жизнь и Бытие, которое неразруσιμο. При остановке состояния незаметности исчезают молящийся богомол и добыча; остаётся только внешнее сознание. Только сознание, требуемое для того, чтобы стать молящимся богомолем, позволяет вам узнать, что вы это скрытая мольба.

Заложник

Остались последние две недели нашего путешествия. К этому времени Твидл Ди, 'старый знакомый', окончательно стал маленьким немым, потеряв немного собственного света, потеряв свою привязанность к словам. Я всегда был его реальным компасом, его истинным севером, и в этот момент он знает это. Он бродил весь день по плоским скалам и сухим лесам, которые постепенно поднимаются клином к высоким клиффам. Проложив свой путь с раннего утра из Виктории к Саннату и оттуда, он пересёк суровый пустынный участок по направлению к центральному району под названием Та Ценц. Отдавая себя мне, он проследовал медленно этим путём через скалы, используя охотничьи тропы, которые проходят крестообразно повсюду на этих обширных просторах. Он заметил, что этот район был охотничьей землёй, используемой веками человеком и животными; множество троп, не ведущих никуда, и в этом их прелесть.

Блуждание это поиски приключений, блуждание это тема, вдохните её аромат, ощутите её вкус, блуждание в полуденной ночи, одна нога на земле, другая нет. Таково же и вступление на невидимые пути; невидимые пути, которые гораздо древнее, и которые чаще используются, чем избитые, банальные пути для его сандалий. 'Старый знакомый' не знает, кто ещё мыслит, всё в заблуждении. Он привык думать, что он шёл собственным путём, называл это своей жизнью; но путь, который он прошёл и которым идёт сейчас, никогда не был его; это путь блужданий, путь в неизвестность. Он идёт, взбираясь всё выше и выше, по кругу, черпая вдохновение повсюду, голова в смятении, потрясён восторгом. Он поступает просто по отношению к тонким феноменам, и это отношение к этому и к тому – обыденность. Рассуждения, предубеждения и правильные мнения, как разбитые зеркала, остаются лежать отвергнутые по пути за ним. Здесь нет места для организованного ума, нет логической последовательности, лишь множество противоречий. Это плохие новости, если вы ищете прямую дорогу домой, или опираетесь на что-то вроде списка магазинов или салонов красоты. В этом случае лучше стоять на известной тропе, стоять на ногах, на колёсах или на крыльях; здесь не нужны ни карта, ни транспорт – только проводник, сознание.

Наконец, вид морского простора заполняет его взгляд, и он достигает высшей точки. Только один вопрос – налево или направо. Он слушает гидов – птиц. Одно приглашение совершенно ясное в кустах слева, щебетание "сюда, сюда", и он идёт налево. На краю обрыва он прогуливается, затем стоит, затем снова прогуливается, идёт обдуманно в обратном направлении; теперь ждёт впечатлений; теперь прислушивается к своему телу; теперь меняет перспективы, смотрит изнутри/снаружи/изнутри/снаружи – блуждание в превращениях. Он вспоминает себя, забывает себя, стоит, гуляет, ест, пьёт: пьёт всё – свой разум, жидкости. Тем временем, пока он прогуливается здесь, по пути всех, кто здесь гуляет, он достигает узкого залива, который называется Мгар Л-Ксини. Хочет ли он пойти вниз, туда, где люди, или остаться здесь, наверху, в прекрасной пустоте? Но мы уже спускаемся вниз, здесь нет выбора, никогда не было, и он рад. Он делает что-то нормальное, делает не-ходите-вниз-там-ходите-внизу-там; это практика, это 'цельность'.

На пути вниз можно видеть деревянное кафе; кругом ходят люди; лодки причаливают и отчаливают; играют дети. Чуть выше на укрытой стороне находятся несколько лодочных

гаражей и навесов, сгруппированных вместе для защиты от непогоды. Сам залив разрезает сушу глубоко как нож, сходясь к узкому месту, где сосредоточена вся активность. Он отсутствует в этой сцене, он думает, но нет пути кругом, и только одна вещь, которую можно потерять, это его состояние, а это поистине ничто. Места в кафе притягивают, также и холодная кока. Обычный диалог происходит за соседним столиком, официант разговаривает с англичанином, по виду владельцем яхты, который держит растянутые округлые канаты. Кажется, официант строит дом в зимнее время, а здесь летом зарабатывает деньги на его постройку. Они разговаривают друг с другом, но ничего не происходит между ними, нет контакта, и официанту нравится это; вся его радость на поверхности. Это просто бесцельная болтовня; они разговаривают потому, что так делают все.

Двое детей внизу у воды тянут за полотенце между ними. Один ребёнок бьёт другого – шлепок; шлёпает её по лицу. Начинается плач. Рука больно бьёт по щеке, рука щёлкнула как кнут. Люди, сидящие в пределах слышимости, равнодушны; может быть, это родители. Вода плещется по камням, мягко шурша и колебля мелкую гальку с возобновляющимся свистом, затем отступает, свист и отступление – звуки древнее, чем уши. Семья на лодке, демонстрируя недружелюбие в отношениях друг с другом, ненатурально тянет за верёвки с опущенными головами – может быть, вокруг шторм? На берегу кто-то нагромоздил в кучи отдельные камни, один поверх другого, выдерживая баланс; кучи тянутся через различные части пляжа. Диалог происходит за другим столом, в то время, как дети дерутся.

Всё это, всё, что происходит здесь, - это бродяга, мыслитель. Он осознаёт, что наблюдает за самим собой. Каждая мысль, поведение или действие, что происходят в этом месте, это функция его обычного бытия. Он понимает это; это очевидно, но этот мир внутри него остановлен, чтобы продолжиться снаружи. Оставлено сознание, которое привязано к его собственной натуре, а это не привязано вовсе. Он создаёт образы: мысли подобны мертвецу, оставляющему всё, что с него спадает, обосновывающемуся в земле, которая становится его костями и плотью. Покончив с кокой, он внезапно встаёт, выходит прочь, оставляя этот мир: путешествие это всё, цель ничто – там ничего нет. Несколько мгновений спустя он карабкается наверх по другой стороне ущелья, обратно к природе. Поскольку он дрейфует по течению, он проходит мимо цели его путешествия; то направление свято и имеет смысл, в котором следует его тело. Из неисчислимых путей, которые окружали его, он неизбежно попал в эту точку. Прямо перед собой он видел большую бумажную сумку, брошенную кем-то. Она лежала сбоку тропы, несомненно, принесённая туда ветром в бурный день. Внешняя сторона была цветная, внутренняя - совершенно белая. В тот момент, когда он заметил её, он стал ею, чтобы ощутить сознание этого – её сущностную природу, захваченную плывущим по течению сознанием всего. Что эта сумка содержала раньше внутри себя? Подарки ко дню рождения, новое платье, тёмный костюм, красные туфли на шпильках, ковбойский наряд и пистолет на Рождество? Она была полна подарков самого различного вида; подарков, которые могли бы скрыть идентичность. Но сейчас эта сумка была пуста. Всё, что там оставалось, это простая радость от чистой, белой, внутренней подкладки, выстиранная простыня чистейшего качества; простая, несуетливая и обычная. Он видит своё собственное состояние в этой принесённой ветром сумке, и

осознаёт снова, что мир прекрасен; он говорит с собой на своём собственном языке; он чудесен для себя; сознание, отражающее его сущностную природу повсюду.

Но в нём не было колебаний, он не фиксировал ничего в памяти; ничего, что нужно хранить. Двигаться вперёд, останавливаясь для 'ничто', раздумывая только о 'ничто', отвергая всё, торопясь только вперёд, вверх и вниз по склонам холмов, чувствуя себя незаметным, невидимым, даже неясным – доволен, ничто нас не затрагивает, ничто внутри или вовне, обнаружение невозможно. Он похож на написанную, а затем стёртую страницу, на которой оставлены только пятна от его прошлого; достаточно лишь поддерживать форму. С острой тупостью ума сознание подвержено охоте на него; сущность природы, схватившей и затем отвергшей всё, находится в безопасности от любого другого хищника. Его сандалии в пыли, и усталые ноги болят, но он счастлив. Нет ничего теперь, кроме флирта с его пыльными ногами; курс в никуда, но точный, и ноги смеются.

Далее он проходит мимо большого дома с укромным садом и множеством белых стенок под круглыми крышами с терракотовым покрытием. Он возвышается над широкими просторами игривого Средиземного моря. Там растут пальмы и прекрасные экзотические цветы, там холмистые лужайки и плавательный бассейн с изобилием приготовленного джина и тоника. Приходит мысль: *Понравилось бы мне жить там?* Ответ такой же скорый: *Я мог бы жить где угодно столь долго, сколько мой ум оставался бы чистым, несуетным – в его собственном начале.* Смешок проявился и лопнул, как пузырьёк со дна моря. Можно ли чем-то долго наслаждаться, если ты полон? Можно вообразить, что люди привыкли ко всему, наконец, и этот вес тянет их вниз, даже зовёт. Каждая мысль создаёт последствия, но нет последствий от движения по течению. Нет ничего в нём, нечего приобретать, нечего терять, есть только настоящее в моменте и восхитительный захват сознания; охотник-собиратель невидимых сущностей.

Живой, но мёртвый

К вечеру возвращается обычная реальность; и я тоже возвращаюсь к себе, в мою нормальную идентичность; поскольку я вспомнил, что автобус покидает Мгар каждый раз на пароме. Я вижу, что паром поворачивает в гавань примерно в полумиле от берега, и внезапно появляется цель, и возникает спешка, поскольку я, хромая, спускаюсь вниз с холма к автобусной остановке. Вскоре после этого прибыл автобус, и вот, я в нём, смотрю на людей и автомобили в плотном движении по дороге, пока мы едем по направлению к Виктории. Чем сосредотачиваться на спешке и толкучке, лучше вернуться к моему недавнему путешествию. Я уходил на край земли, и так шёл бы и шёл, всё дальше и дальше в неизвестность, шёл прямо в небеса и к звёздам. Не было ничего ни передо мной, ни за мной, ни подо мной. Как можно путешествовать в таком месте?

Через короткий промежуток времени я выскакиваю в Виктории и прихрамываю, как газель, на автобус к дому. Изменённые состояния продолжают кипеть весь вечер. Я вблизи своей квартиры; каждым обычным днём в это время самость работает, и тогда пустота вступает в свои владения, и я счастлив с обоими: *Я волна! Нет, я частица! Нет, лучше так, я не существую!* Вечером происходит сальто-мортале; переключение

между тропами, которые ‘мысль’, к сознательному движению в противоположном направлении ‘не-мысль’; от “Что здесь подразумевается?” или “Я понимаю это”, к опыту, представляющему и интерпретирующему себя в состоянии отстранённости. Ни одна сторона не борется за доминирование. Я переключаюсь к не-мысль, и можно видеть меня там, тело пустое, глаза отсутствуют, принимать вещи и отвергать их, гулять здесь, гулять там, замечать ничто, замечать всё – прикосновение без контакта. Нет никакого внутреннего словоблудия: прекрасные образы, мысли и движения приходят и уходят без словесной интерпретации. Я открыт как кухонная раковина. Ресурс воды неисчерпаем, затычка удалена, и канал чист и свободен. Ни блокировки, ни задержки, ни застоя воды в раковине, вода течёт из магического, неисчерпаемого источника и свободно вытекает прочь.

На мне обычная каждодневная одежда, но если вы посмотрите, то можете увидеть, что глаза обнаруживают под этим реальную форму; глубокое отсутствие, которое могло бы некоторых ужаснуть. В выборе состояния не-мысль вы выбираете смерть; если кошка или жива, или мертва, тогда кто-то выбрал смерть. Те, кто умерли и ушли в иной мир, подобны этому, я полагаю; магическое сознание, которое никогда-не-кончается, распускается как цветы. Я думаю, это сильная мысль, что живущий может практиковаться быть мёртвым, оставаясь живым и живя таким способом, общаясь изнутри тела и разговаривая из магической, иррациональной могилы. Пустота, вот что это, но тупой ум преклоняет колени перед знанием тела, знанием костей; а что такое знание тела, если не действие воображения.

Крылья глины

На острове Гозо много глины, большей частью на поверхности огромных холмов в некоторых районах острова; она помогает удерживать влажность, делая Гозо зеленее, чем главный остров архипелага. Однако, там, где глина лежит на поверхности, нет зелени, на ней ничто не растёт. Пятна глины встречаются на склонах холма, около которого я прохожу сегодня; прошлой ночью здесь была сильная буря, которая сделала глину раскисшей и скользкой, создав грязевые оползни. Мой путь, временами весьма ненадёжный, идёт, понижаясь, вдоль кручи. Всё скользит и сползает, ничто не держит, на сандалиях налип толстый слой голубой грязи. Тем не менее, есть протяжённые чистые участки, по которым я иду. Сегодня ветреный день, и море грохочет по скалам ниже, как буйный подвыпивший Человечище. *Как это возможно, что я здесь спокойно размышляю, наслаждаясь солнцем, в то время как там, ниже меня, такая хаотическая активность? Как может быть такое сильное различие между той свирепостью и мной? Почему эти два Бытия так разделены, так различны?* Я хотел быть участником того весёлого, бьющего через край торжества внизу, но я был слишком далёк от этого, был слишком человеком в обычном его состоянии. Прежде чем я изменю своё сознание, я приближусь к этому буйству, которым желаю быть. По пути дальше я спустился через густую, как джунгли, бамбуковую рощу и, наконец, подошёл к морю. Огромные голыши тысячелетиями разбивались об этот пляж с высоких клифов, и, вместе с недавними лавинами глины, эта часть пути была особенно ненадёжной и трудной. Пройдя через липкую, скользкую грязь и бьющие волны, перескакав через

огромные камни, я, в конечном счете, завлѣк себя в узкую, каменистую горловину побережья, куда уже устремился прилив. Впереди всё выглядело плохо, но я решил попытаться пройти дальше, прежде чем изменить курс; дурная привычка. Я надеялся пройти в обход по кругу к месту, которое было недалеко, где пляж выглядел безопасным. Со своими грязными ногами я должен быть осторожным, чтобы не поскользнуться на камнях или не упасть, карабкаясь через булыжники; сломать здесь ногу было бы определѣнно нехорошо. Видя, что путь к месту, куда я решил попасть, наиболее труден для преодоления, я двигаюсь так быстро, насколько могу, пока вода продолжает прибывать.

Я пересекаю узкий чистый участок, может быть, около трёх футов между морем и поверхностью клифа, но он тянется довольно далеко. Большие волны периодически перекачиваются через этот участок, но я могу двигаться здесь быстрее, увѣртываясь от волн. Однако, я всё ещё стеснѣн в движениях своими скользкими сандалиями. Если бы я завис здесь надолго, мне, возможно, пришлось бы провести ночь, уцепившись за какой-нибудь выступ, который ещё надо найти – я начинаю паниковать. Раздумывая над этим, я ловлю момент, чтобы убрать грязь с моих ног. Пока я мою сандалии, замечаю, что я не единственный, кто попал в ловушку бьющегося прибоа. Недалеко от меня с прибоем борется голубь, который пытается лететь, но не может. Голубь весь в глине, и я вижу, что он скоро погибнет. Почистив сандалии, я возобновляю движение и оставляю птицу её участи, стремясь спасти себя. Затем приходит мысль: *Если я помогу голубю, тогда, может быть, какой-нибудь Бог поможет мне выйти из этого положения.* Вскоре я отбросил эту мысль как циничную уловку само-сохранения, вернулся и погнался за голубем, чувствуя к нему жалость. Его крылья были покрыты толстым слоем глины, он мог бы прыгать, но не мог бы летать. Скоро я поймал его.

Так или иначе, голубь, должно быть, упал в мокрую липкую глину во время ночной бури. Днѣм солнце и ветер высушили грязь, сделав глину на крыльях и перьях тяжѣлой, как камень. Держа птицу на одной руке и зачерпывая морскую воду другой, я провѣл полчаса, выскабливая тяжѣлые куски с его перьев моими мокрым ногтем большого пальца, отковыривая им отвердевшую грязь крыла. Это было непросто, всё вместе было тяжѣлое, как бетон.

К счастью, уровень приливов в Средиземном море меняется мало, и, относительно очистив перья, с птицей в руке, я продолжал двигаться к намеченному месту, надеясь на избавление – *Сумеет или нет?* Я представляю себе местные телевизионные новости: *“Иностраннѣй Бродяга С Голубем В Руке Тонет В Грязи”.*

Всѣ бы оценивалось иначе, я полагаю, если это был бы мальтийский сокол. Как бы то ни было, мы достигаем поворота залива, но там нет пути поверх камней, даже если бы мои руки были свободны – это просто невозможно. Я отрезан и буду должен пройти обратный путь, если смогу. Остаѣтся единственная возможность – пройти через прибой. Я пытаюсь, но вскоре понимаю, что здесь очень каменисто, очень волнисто, и довольно глубоко; ветер воет, море бѣется, и мы определѣнно в затруднительном положении; ну что же делать, я должен попытаться вернуться. Однако, я заметил просвет между грудями камней, который я поначалу забраковал, поскольку он был очень узким. Так, в последней попытке, чудно выглядящий сокол и я протискивались между камнями. В конце прохода было уже легко, поскольку я сманеврировал вниз и вокруг, протиснулся

через широкий проём, и спасены – гора с плеч. Это знамение, когда выходишь из опасности с блеском в глазах.

Я вижу впереди путь наверх от залива к мысу. Наверху на гребне я отпускаю птицу. Она попрыгала вокруг, стараясь взлететь, но не смогла. В это момент появился охотник с ружьём и собакой. Вот он я, стоящий между моим славным подвигом и ружьём с сопящей собакой – и я спасаю последнего мальтийского сокола. Я сказал Хэлло. Они не видели голубя, который к тому времени упрыгал в расщелину. Они прошли мимо, а голубь исчез навсегда.

Именованье: вид из смерти

Оставив голубя позади, я продолжал идти по направлению к Рамеле, пляжу с кафе, месту для отдыха и размышлений, месту, которое надо бы посмотреть в последние дни моего пребывания здесь. *Двигаясь с такой скоростью, я скоро буду там.* Я думал о голубе и испытывал радость оттого, что спас его, но я заметил некую тональность в моём настроении. Всё утро она была еле уловимой, и я не замечал её; тяжёлое чувство обречённости. Я встречал людей, которые постоянно игнорируют свои ощущения, но я не таков – это некий подтекст в жизни, который надо принимать во внимание. В любом случае, я решил сосредоточиться на этом, поскольку депрессия возрастала. Спасение голубя не приносит ликования, не защищает от иррационального настроения, не обеспечивает права на радость. Там было что-то роковое, вне меня, идущее со всех сторон – и мне не нравилось это! Я чувствовал как будто надзор за собой, который вызывал желание спрятаться; я чувствовал себя так же, как в самом начале моего пребывания на острове, во время всепоглощающей депрессии. Я пытался стряхнуть это с себя, но становилось только хуже. *Теперь я снова в том же положении.* Когда я немного вник в это, было ощущение, что радужное голубое небо давило и пронизывало всё моё бытие. Что это, паранойя? Я решил сойти с тропинки, сесть и постараться найти причины этого. Недалеко было место, где хотелось положить свою палку на землю и остановиться; ‘правильное место’, откуда не хотелось двигаться куда-то ещё. Ощущение было хорошим, поэтому я сел там. Когда вы испуганы, то лучше найти безопасное место поскорее. *Что это, что происходит со мной? Что это за зловещее чувство?*

Наконец, я готов к опыту и решаю использовать своё тело в качестве помощника; оно более осязаемо, чем мысль. Мои ноги уже скрещены, и я наклоняюсь вперёд. Я настолько сбит с толку и лишился рассудка, что у меня нет выбора, кроме как положиться на мудрость своего тела, надеясь, что оно уже включается в процесс, будучи в непринуждённом сидячем положении. Моё тело уже осознаёт нечто, что приносит мне страх, поэтому я всецело доверяю тому, чему его сознание может научить меня. Мимо проходит пара, бросая быстрые взгляды, но я не беспокоюсь, не отвечаю им вниманием, выбирая то, что сильнее их любопытства. Что-то давящее присутствует; что-то снаружи или за пределами человеческих мыслей и реакций, и это давление не оставляет мне другого выбора, кроме как открыть его.

Я следую положению тела и наклоняюсь ещё больше вперёд, изгибаясь поверх своих скрещённых ног и принимая форму шара; голова согнута; подбородок на груди; локти почти касаются земли перед моими ногами. В этой позе я вскоре достигаю физического

предела; дальше напрячься уже не могу. Я вновь ощущаю паранойю и решаю преодолеть ограничения и напрячь тело ещё сильнее, неся с собой ощущение обеспокоенного параноика. Глубоко дыша, я удерживаю присутствие страха вместе с невыносимым напряжением тела, чтобы, как только появится чувство, так в то же самое время выйти за пределы физических ограничений – если я смогу преодолеть физические границы, то, возможно, я смогу пройти край моего недомогания тем же путём и в тот же самый момент. Спустя какое-то время в этом экстремальном положении ко мне внезапно приходит видение клеточной формы; образ похож на моё тело в этой позиции. Клетка овальная и недифференцированная, она непохожа на нормальные клетки тела. Я вижу, что она непрозрачная, тёмно-серая, плотная. Это больше, чем просто образ; я знаю непосредственно, что клетка/присутствие – это смерть.

Сейчас я это вижу, и это уже не устрашающее впечатление. Точнее, есть неожиданное любопытство, возбуждение и развитие. В своём сознании я постигаю смерть; она так близко, что я мог бы описать её прямо с натуры. Я воспринимаю её, но этого недостаточно, я хочу стать ею. Я должен трансформироваться в неё. Рационального знания недостаточно, я хочу войти в эту реку; я хочу её полного выражения – я хочу быть ею.

В досаду своему желанию, я не могу войти глубже в это напряжённое положение. Я выхожу из него в конечном счёте, достаю из своего рюкзака блокнот и ручку, и рисую то, что я вижу. Надеюсь, что наблюдение и зарисовка этой формы помогут мне подступиться к ней и стать ею. Возможно, дальнейшее усиление образа путём рисования сделает его доступнее для меня. Внезапно я осознаю, что должен заполнить всё круговое пространство этой клетки. Я решительно ретуширую всё белое внутри круга, делая его настолько бледным, насколько возможно, не допуская ни линий, ни мазков вне сферы. Моя рука и кисть становятся неистовыми – заливка, заливка, заливка, до тех пор, пока это не выглядит завершённым, недифференцированным, мрачным.

Так или иначе, в реализации смерти и своей мазни, я или стёр свою собственную идентичность, или проник в сущность смерти, или то и другое вместе, потому что внезапно сама Смерть выкатилась из меня. Она просто выкатилась, выкатилась на землю, в поле зрения всех прохожих, убивая себя смехом: расползлась по поверхности; катаясь и корчась, умирая от смеха; хохоча и лопоча; распадаясь от идеи о смерти, умирающей от смеха. Я, кажется, выгляжу для Смерти забавнейшим комиком, потому что каждая моя мысль заставляет её кататься в конвульсиях. Полный успех бумагомарания, напряжения тела, и чувство обречённости превращается в дутый шар, который сделал бы пшшшшш, если бы в него воткнули иголку. В разгар смеха возникла мысль, что я мог бы освободить себя собственной задницей.

Фигура, называемая смеющейся Смертью, это не моя идея об ужасной смерти. Этот призрак, как правило, причиняет испуг, потерю, бедствие и ужас; обычно он представляется как мрачная тёмная форма в облачении с косой, готовая сразить вас – вовсе не смеющийся добрый клоун. Как бы то ни было, она продолжала веселиться ещё какое-то время, а затем, наконец, стала серьёзной. Теперь она ползает на коленях, рассматривая всякий мелкий хлам, выброшенный людьми, изумлённая обилием детрита. Возникает мысль, “Как чудесно, что его так много, всё закончилось точно в том

положении, в каком предполагалось”. Брошенный листок бумаги, его угол, направление, позиция, и несколько листочков травы, которые касаются его, закончили свою миссию, чтобы довершить то, что уже произошло в начале времён. Затем она смещает фокус и ложится на землю, касаясь своим подбородком нечистот. Взрывы смеха то и дело вырываются из неё, поскольку мир продолжает падать в её глазах. Смерть вселилась в мой разум в наружном веселье от человеческой жизни. В то же самое время, я испытываю опыт Смерти и решительно прекращаю её бояться.

Для Смерти всё известно, начало и конец всего, но не на чем задержаться. В Смерти мир всегда умирает. Каждый раз, когда она обращает своё внимание на меня, о котором она думает, как о живом, она входит в очередной приступ своего катания, хохоча, как клоун. Она знает, что я хочу держаться за всё, знает, что я хочу быть желанным для других – определённым, значимым, ценным; знает мои амбиции и скрытые мотивы; знает, что я хочу познать себя, чтобы обезопасить; знает всё о моём конфликте с моим отцом; и не сдерживает слёз, бегущих из её глаз при взгляде на меня – я её тонирую.

Я гляжу вокруг и вижу, что вся трава здесь на своём месте, каждый листочек сгибается, указывает, тянется в жесте к своему естественному положению, всё расположено в соответствии с его преходящим назначением. Каждая вещь завершена, ветер, дождь, солнце и нечистоты на земле, всё усиленно трудится для этого чудесного момента – новое солнце взошло. Нога, лапа и коготь очень помогают каждой твари прийти к её завершению здесь и сейчас на этой вертящейся земле. Высокая скала на холме, стоит своим ликом, гордо выпятив подбородок, по направлению к морю – прекрасному морю. Валуны, которые в прошлые времена упали под чудовищными ударами к своему месту назначения, к их последней любви – к воде, теперь сидят в тихом довольстве в “бухте голубя”; нежная вода вечно плещется, вновь и вновь увлажняя их. Волны гальки мерно колеблются с тихим смехом под защитой валунов.

Прибой, нарастая, повторяясь вновь и вновь, а также морская соль, страхуют жизнь от упадка, рыба прячется, кроме стремительной сантиметровой мелюзги, бесконечно ищущей еду и защиту. Да, солнце взошло, и на небе облачно. Лодки сидят на горизонте, двигаясь по направлению к предвкушаемому дому – я вижу всё это. Я вижу тропинку вблизи, и я благодарен ей, я благодарен её за её поддержку – проходил ли древний бродяга этой тропой или она соблазняла его на акт творчества? Я вижу птиц, больших птиц – чаек, и маленьких тоже; я вижу траву, камни, холмы, море, людей, и я вижу бухты – одну, две, три. Вижу кусты, растения, цветы, низкие прячущиеся сорняки. Собачий помёт на моём ботинке, перешедший на одежду, останется; я не брезглив. Здесь Африка позади и Европа впереди – Италия, Испания, Франция, и любовь во мне звучит романскими языками – Холла, Кьяо, Бонжур.

Чистый воздух: морские бризы; могущественные ветры; штормовое опустошение; разрушающиеся клифы и раскисшая глина. Море невозмутимо: море плещется; море поднимается, море бьётся; море взбешено; море поглощает; море тошнит; море захватывает и море поддерживает; море порождает; море смеётся; море прикасается; море смотрит. Море живёт, морской жизнью.

Море энергии и доверия; море любви и потери; море жизни, море смерти; море античности и современности; море музыки, танцев, веселья, непосредственности, яркости; море вас, море меня, море всех нас; море морей и океаны моря; море мгновения, моря различий, ах... различие, различие всегда выдающееся.

Я понимаю, что мы близки, мы двое, и стали ещё ближе недавно, несмотря на противоположность наших личностей. Смерть стихийная, мрачная и сущностно бесформенная; тогда как я ищу ясность, энергию, и более определённые формы. Я имею так много права на существование в этом дуэте, что доказываю это себе. Но вот, Смерть снова на своей спине, держится за живот, готовая взорваться смехом. Она смеётся над моими потугами доказательства моего существования и над идеей о существовании смерти, которая, конечно же, не факт бытия – существование это жизнь. Я мог бы поведать больше об этом столкновении, но дело в том, что это никому не интересно, а интересно то, что я об этом пишу.

Каким путём мы пойдём отсюда? Я размышлял про себя, думая, что смерть умиротворена. “Каким путём?” он воскликнул, “Каким путём?”. Он взглянул на меня так, будто наставил ствол ружья, “Путь не бывает каким”. Он засмеялся снова; на этот раз его смех был такого рода, что не имел ко мне отношения. Я чувствовал себя бестолковым и испуганным. “Здесь нет выбора, нет если, нет но, идёшь всегда с уверенностью”. Я чувствовал, что мог бы умереть, если бы эта мысль пришла снова. Не было выбора, я должен был прицелиться и быть точным, как пуля, я должен был собрать все мои позиции, все мои голоса, все расколотые части, и вложить их все вместе в одну проникающую силу, если я хотел жить. Смерть это непостижимый союзник.

В этой стычке со Смертью я снова ещё раз вошёл в контакт с фигурой, спасающей меня от той части меня самого, которая уводила прочь с истинного пути. Во время моего пребывания здесь я был освобождён от всех привязанностей к миру и введён во взаимосвязь с самим собой. При первой нашей встрече это был пустой монах, сейчас здесь, я видел, что это Смерть, грубо хохочущий Жнец, сущность которого в убийстве. Мы с ним сливаемся снова, и он отступает на задний план, поскольку я сижу в спокойном созерцании. Я осознаю снова, что я сражался в каждой битве с этим бытием и проигрывал им всем, каждому. Я искал признания и не нашёл его, и я рад. С этого момента я обещаю себе сражаться с битвой ради поражения, сражаться с потерями, потому что это моя восхитительная, моя непостижимая судьба.

Смерть говорит: иди прочь от хороших времён, от удачи, от развития; иди в направлении против жизни. Погрузись в потери; приветствуй неудачи, инерцию, депрессию. Входи глубже в это, но делай это быстро. Не попадайся в ловушку поисков только хорошей жизни – не ищи её вовсе; не реагируй на плохие вещи, но благоденствуй в унынии – это не потеря времени. Приветствуй ограничение, измени направление своих оценок и выбери путь антипреуспевания – следуй по нему быстро. Когда ты кладёшь свои силы и энергию в направление расцвета жизни, то оставляешь смерть как пустую дорогу, и она приходит потом мучительным гостем, который наводит ужас. Смерть, однако, как населённый путь, становится глубочайшим творческим процессом любви, отстранённости, сознания, свободы и, не в последнюю очередь, разновидностью жизни. Это насущная жизнь: не жизнь, как реакция на смерть, но жизнь в смерти. Такую жизнь невозможно забрать, даже если ты забудешь её. Зачем держать под контролем вечную угрозу крушения, когда это крушение - быстрый путь, насущный путь вперёд?

Я не знаю, долго ли я сидел там, но закончил я это в благодушном состоянии; нежная близость двух любовников, и из этой близости возникла декларация:

“...Тогда

Я сойду с вами в вашей сущности, и если мы хотим разделения или дистанции

Мы пожмём руки, как если бы мы имели руки

Мы поцелуемся, как если бы мы имели губы

Мы отступим и поглядим друг на друга, как если бы мы имели тела

Между тем

Лови меня уголком своего взгляда

Лови меня как кокетливый цветок

Лови меня также позади птичьих глаз и движения птичьих крыльев

Лови меня, лови меня

Лови меня всегда идущим прямо к тебе”.

Погода к этому времени изменилась, и тяжёлое синее небо превратилось в прекрасный свинцово-серый ковёр, который начал мягко падать. Как только дождь разоблачил себя, он мягко прикоснулся к моей коже, увлажнив её, окутав меня своим тёплым, сырым туманом, и я притих. Я чувствовал себя так безопасно, как в кашемировом меховом кармане женщины.

Начало

Настал предпоследний день моего пребывания здесь, и я решил провести его целиком на пляже Пески Рамела: куда-нибудь ещё мне не надо; всё сделано; я изучил остров вдоль и поперёк, и теперь хочу просто посидеть. Рамела находится в часе ходьбы по побережью на восток от моих апартаментов. На дворе ноябрь, месяц моего рождения, а я всё ещё страдаю от жары в это время года. Дома сейчас зябко, в ходу тёплые ботинки и, возможно, санки, - сандалии давно спрятаны далеко в шкафу, но не для меня. Пока я шёл к намеченному месту, я вспоминал, как сильно я ненавидел первые дни моего пребывания здесь; огорчение, депрессия и жуткая пустота. Месяц, который так ужасно начинался, подходит к концу, и сейчас я чувствую грусть; грусть от потери контакта с самим собой, которую ежедневно приносит мне мир. Ежедневно поддерживать связь с мечтой в обыденном мире очень трудно, но реальное изменение и трансформация в нас самих и во внешнем мире требуют от нас поддерживать и то, и другое одновременно.

Я достигаю бухты около 10 часов утра, нахожу место и делаю себе стойло – книги, полотенце, подушка и ручка, вместе с водой и несколькими апельсинами. Я сажусь в тени и взвешиваю эти четыре недели. К грусти примешивается и удовлетворение, мои внутренние борения завершились; кажется, задача решена.

Завтра будет другой день – совершенно отличный день, конечно. Я поеду в аэропорт и буду там около 3 часов дня, мой рейс в 7 часов. Затем я пройду по магазинам, чтобы купить последние подарки, и, наконец, закончу в кафе Хард Рок с бутылкой пива в руке. Эта бутылка будет означать начало остатка моей жизни; она породит первый симптом начала борьбы между жизнью и смертью: недифференцированная клетка, которая выкатилась из меня в виде хохочущей смерти, уже начала разрушать моё тело. Она выведет наружу то, что это путешествие без героя – путешествие превращения, и затем прогулка к закату – нет, не в этот раз. Сейчас я приближаюсь к тому горизонту, дальше которого начинается путь через физически осязаемую болезнь, боль и процесс

умирания; весь этот путь через невыносимую боль, которая заставит меня взывать к смерти о том, чтобы она забрала меня. Боль будет нестерпимой; она будет разрушать мою личность, мою силу, мою душу. Я буду издавать вопли ужаса долгое время, и морфий, который мне будут давать, своей бездейственностью только подчеркнёт бессилие медиков. Сегодня никто не нуждается в том, чтобы претерпевать боль от любых форм болезни, благодаря специальным препаратам, но в моих обстоятельствах они не помогут.

Кафе Хард Рок это тематический паб. Вы можете наслаждаться здесь Бингом Кросби, а также музыкой шестидесятых и семидесятых, но хиты последних лет не для этого места. Здесь есть подписанные диски в рамках на стене, фотографии инструментов знаменитых гитаристов, и другие памятные вещи стиля рок. Всё это, конечно, предназначено для того, чтобы помочь вам глотнуть пинту непомерно дорогого светло-коричневого напитка.

Аэропорт увидит меня снова на международной сцене, звезда способна обеспечить мне всё, что я ни захочу; я беру ещё пиво. В конечном счете, я встаю и иду в туалет, и вот там начинаются проблемы. Я стою там один перед писсуаром, я в нужном месте, я готов пи-пи, но ничего не выходит. Я стою там наполненный и готовый к тому, что я делал спокойно всю мою жизнь, но ничего не происходит. Пока ещё не паникую, я покидаю туалет в курьёзе, всё ещё нуждаясь пописать, и иду немного прогуляться. Наконец, я возвращаюсь опять к писсуару, и снова ничего. Я начинаю отчаиваться; я сконфужен и напрягаю свои мозги, стараясь понять, в чём дело. Скоро надо садиться в самолёт, и я не смогу воспользоваться там туалетом до тех пор, пока сигнал о возможности отстегнуть ремни выключен, это может занять двадцать или тридцать минут.

Но вернёмся назад в бухту Рамела, где я ещё не имею понятия о том, с чем мне придётся столкнуться; я счастливая история, закончил свои борения – я оставил выдуманные роли ради новой роли артиста, который может трансформировать материал личности, новой роли, которая сама свобода. Пляж становится всё более привлекательным для людей, поскольку день прогрессирует. Дети играют, взрослые натираются кремом от солнца, в то время, как семьи группируются, выбирая места и ложась напротив скал, которые начинают прогреваться по сторонам пляжа. Это широкий пляж с величественной бухтой, который может вместить много сотен или даже тысяч людей перед тем, как будет заполнен. Разноцветные трубки и маски мелькают на головах, и я замечаю, что пара светящихся вёдер и лопат, которые лежали брошенными со вчерашнего дня, теперь используется.

Мои мысли возвращаются к прошлому. Этот месяц был особенным, совсем не таким, как я ожидал; не столько месяц отдыха, сколько месяц противоборства двух умов. Это похоже на то, как если бы я стоял на спинах двух несоизмеримых скачущих лошадей и старался удержаться на них – приключенческие каникулы. Временами я был способен удержаться на спине одной из лошадей, той, что старается быть впереди другой – ум, который организует мышление; тот, который всё взвешивает, балансирует между правым и неправым, находит всему причины, чувствует вину, живёт в неуверенности, ненадёжности и злоупотреблении силой, когда имеет её. Это Логос – жизнь сказанного слова: мир объяснения, оправдания, сносок, бедствия, насилия – и доказательства. Это, как говорят, левое полушарие мозга, которое старается интерпретировать реальность путём разрозненных ощущений и смысла слов. Что я могу сказать о другом уме, так

называемом правом полушарии?... Что ж, я и так сказал уже много, и опять скажу, что он 'другой'. Это всё за пределами человеческой обыденности, всё, что снаружи, всё, что течёт. Это создание, называемое правым полушарием, ненормально в творчестве, ненормально в разрушении, ненормально во всём, ненормально в любви, в мучениях. Как могла природа, создавая такое разнообразие на этой планете, обойтись без создания этого много-умного безумия в людях. Это сумасшедшее существо смотрит на себя с множества различных сторон, которые несхожи сами по себе. Пикассо владеет этим. В аэропорту я подцепил книгу о Пикассо и открыл её на странице с фигурой быка, и когда я увидел кудри на лбу быка, то чуть не лопнул от смеха. Я не мог сдержаться, глядя на эти кудри, у меня в животе щекотало – безумие опять вселилось в меня. Живопись Пикассо вся во взгляде, живопись, рвущая холст в изумительные формы, далёкая от фотографической реальности, создающая фигуры в различных перспективах и углах, искажающая плоть в сверхъестественные сосуды и животных; ежемоментное творчество, творчество, творчество. Я знаю, что он изучал, как усмирить мыслящую лошадь, и я знаю, что он это делает иногда. Джеймс Джойс – ещё один из тех, кто позволяет самосознанию плыть по течению. Сегодня, однако, я не работаю над сознанием, я удовлетворён простым размышлением; сегодня у меня действительно каникулы, я наслаждаюсь людьми и расслабляюсь.

В аэропорту не расслабишься; всё что угодно, но не это. Я вхожу в отчаяние, мой пузырь заполнялся всё утро, пока я ехал в аэропорт, и теперь давление нестерпимо. У меня то, что доктора называют 'задержка', но я о таких вещах ещё не слышал. Время проходит, давление растёт и растёт, и я начинаю впадать в панику. Это запруда с гигантским давлением, а размыкающий кран как-то заблокирован, и что-то надо делать. Однако, наконец, несколько струек проходят, и облегчение невообразимое – как мне отблагодарить кухонную раковину с вытащенной затычкой?

Время идёт, и вскоре мы все находимся на наших сиденьях во взлетающем самолёте. Я сижу около окна, рядом со мной пара – они недовольны друг другом. Это начало трёхчасового полёта в Лондон, и я, конечно, всё ещё лопаюсь. *Что, чёрт возьми, происходит, если ничего не может выйти?* Я не должен думать об этом. Я думаю, не попросить ли мне у пары разрешения пересечь ближе к проходу, чтобы я мог легко достичь туалета, но вот сигнал 'пристегнуть ремни' выключается, я встаю и стремительно двигаюсь прочь. Я стою в тесной кабинке, неутомимый, расслабленный, но ничего не происходит, как обычно. Две минуты в туалете, и объявление капитана:

"Мы ожидаем воздушную бурю, и возможна турбулентность. Просим всех пассажиров занять свои места".

Чёрт возьми! Теперь нет шансов что-то сделать.

В панике возвращаюсь на приписанное мне место, мрачный дуэт встаёт, чтобы пропустить меня.

"Нет, пожалуйста, не вставайте, мне лучше сесть снаружи".

"Ну что вы", среагировал он, "мы не хотим об этом слушать, это не проблема для нас".

Они вышли, я не стал настаивать, возможно, чувствуя себя уязвлённым; я просто занял своё место. Сигнал пристяжных ремней оставался на полёте с минимальной турбулентностью, по крайней мере, вне меня, так что сидение в проходе было неуместным. Пойманный и загнанный в угол, я не могу ничего сделать, кроме как сидеть тихо. Дыши, старайся расслабиться. Выброси время из своего ума и пребывай в

настоящем. Я – сжатый надувной шар, который не может лопнуть и становится всё больше – агония. Таковы мы, пара, готовая вспыхнуть негодованием от любой поднесённой спички, и я, нуждающийся в удалении затычки, чтобы освободить переполненный резервуар.

По прибытии в Лондон я бегу в первый же туалет в багажном отделении – маленькая струйка, просто несколько капель, давление ослабло, слава Богу. Я собираю мои сумки и прохожу через таможню – нечего декларировать, но страх у меня на лице. Прохожу в зал ожидания аэропорта, где широко улыбается моя жена, видя моё приближение, и мы бросаемся обнимать друг друга. Менее чем два месяца назад – в Рождество Евы – ей поставили диагноз: рак толстой кишки. Я буду ухаживать за ней после хирургической операции и противостоять боли от возможности остаться одному, после того, как она уйдёт. К февралю мы обнаружим, что это был ложный диагноз, а на самом деле дивертикулит. А несколько месяцев спустя уже моя жена будет стоять перед реальностью потерять меня; у меня диагностируют рак предстательной железы. Мы оба потратим немало времени в стенаниях, поскольку будем качаться между потерей и смертью.

При выходе из аэропорта холодная ноябрьская ночь поразит меня – ботинки, пальто, перчатки, пуловеры, тёплые носки, носовые платки, руки в карманах со сжатыми локтями; пар от дыхания. Нет, назад на Рамела, солнце жжёт мои ноги, и приходится передвигаться, чтобы оставаться в тени дерева. Контраст абсолютный: здесь, на пляже, я наполнен удачей; я в едином целом с моими призраками; они со мной перед ликом будущего; вся работа сделана. Но вскоре я пойму, что события на этом острове и опыт моей жизни до нынешнего момента – это внутреннее выражение внешнего процесса, который начнётся на следующий день. И мне понадобятся все уровни моего сознания, опыт которых я здесь получил, чтобы сохранить мою жизнь ради моей жены. Последнее, что я мог бы хотеть для неё, так это страдать от боли моего умирания.

В Великобритании не будет времени унывать от холода; давление в пузыре будет возрастать, высвобождая несколько блаженных капель мочи. Из аэропорта мы идём к машине, едем ночью к родителям жены и проводим весь следующий день на пути домой, выдавливая тонкие струйки через каждые несколько миль на обочине дороги; боль и отчаяние затмевают смущение. Моя точка зрения такова, что у меня цистит – у мужчин это бывает. Дома доктор будет смотреть на это по-другому. Она заставит меня раздеться, лечь на каталку и согнуть мои колени в эмбриональном положении. Я почувствую её палец, входящий в меня.

“Как я и думала, у вас увеличена простата, она большая как апельсин”.

Возможно, это то, что я подхватил в Виктории. Обычно простата имеет размер миндаля. Она объясняет, что простата окружает уретру, и если она увеличивается, то, в конечном счёте, отключает уретру, создавая зажим, ограничение, сужение. Диагноз был увеличенная простата, они ещё какое-то время не подозревали рак, но это будет продолжаться, сопровождаемое ужасной болью, которую тело не должно выносить. Даже со всеми теми внутренними фигурами, обнаружившими себя на Гозо, я не подозревал рак – слово рак придумано человеком, это не обычный символический язык воображающего сознания. Образ, растущий среди многих других от моей боли, это чаще всего мужчина с остроконечной бородкой на его пути к смерти – он для меня рак.

В это время, стоя лицом к физической боли и угрожающей моей жизни болезни, я увижу конечный смысл тех событий на острове: пустой монах, который приводит к состоянию 'здесь и сейчас'; космический корабль, несущий в себе экстернализации; молящийся богомол с его незаметностью и внутренним критицизмом; и смерть, возникающая из недифференцированной клетки (рак, по определению медиков, это клетки, которые становятся всё более и более недифференцированными, поскольку они воспроизводят самих себя). Все те проявления возникали из того же самого процесса; все они, один за другим, являются элементами скрытого сознания, которое несёт психологическую или физическую смерть, так, чтобы создать новую жизнь.

Я оставался на пляже весь остаток дня, не подозревая о каком-то раке. Позже, к вечеру, я взглянул на свой блокнот. У меня было много чего сказать, но не было причины говорить. Вот в чём дело, я хотел объективности через сознание и опыт, не через знания – подписан, опечатан, доставлен; целью всего этого была объективность. К вечеру я вернулся в квартиру в последний раз, выбрав дорогу через мыс, где Певучий Монах смеялся животом, затем спустился в город, пройдя мимо вечно-новых купальщиков, пренебрегающих обыденным миром ради наслаждения сегодняшним невозмутимым, спокойным морем. Оставив магазины и полицейский участок слева, я продолжал свой путь под фонарными столбами, которые иногда посматривали на меня сверху вниз, и затем на прошлое место, где потерял ключ. Вскоре я уже наверху, в своей квартире, и смотрю малопонятную телевизионную программу на итальянском языке. Это был конец моей прогулки.

Возвращение к преследованию

(Приходится выслушивать массу уклончивых формулировок, подрывающих самые основы и нормы, от когорты людей, колдующих над ритуалами их настольных игр. Все они прямые и правильные, как ватерпас, и произносят запутанные речи, которые являются методом запугивания.). Эта история пока ещё только пишется. В течение нескольких недель, после диагностирования увеличенной простаты, проблема казалась не такой уж и острой. Однако, на протяжении следующих нескольких месяцев, в этом месте стала нарастать адская режущая боль, порождая неконтролируемые расколы – напряжение, зажатие, мегатонное давление между избыточно сдавленным мускульным мешком и создающей тяжёлую непроходимость опухолью (“Хи, хи, хи”). Всё это создаёт критический момент на штыковом поле Соммы; леденящая опустошённость; навязчивая боль; разрушение человечности.

Всё ещё не совсем плохо, если в такой ситуации выходит хотя бы четверть чашки фи! В конечном счёте, информированная аллопатическая медицина выносит диагноз: простатит, воспаление простаты – явление обычно необъяснимое; никто не знает, что является причиной этого, но я знаю: это пагубное наследие от моих предков. С того момента, когда началось это скачущее давление, не возникало интереса к работе над интимным процессом, характерным для Друга-в-Штанах. В этом не было ничего бычьего, кроме рёва от боли. Я, обычный человек, нуждался в какой-то экстернализации, но я не мог даже представить, насколько это было погребено во мне; не мог поверить в возможность такого кляпа – молот индивидуальности, распыляющий

издевательскую объективность – абсолютный победитель. Что можно сделать, когда вежливый и кроткий реверанс маленькой девочки представлен в лице маньяка, склонного к расчленению? Ничего нельзя сделать; всё это безнадежная, внушающая ужас красота.

В эти различные дни, тянувшиеся бесконечной чередой, я стал возбудимым настолько, что не мог работать над симптомами всего этого. Вор пространства ограбил моего создателя пространства, ограбившего вора пространства, который ограбил моё пространство, и каждый занял своё пространство, ура, ура, создатель пространства ограбил вора пространства. Это делает обычного человека и многих других такими счастливыми, такими бесстыдно довольными, что создаёт массу пространства в ушах, лишь бы не делать ничего губящего Друга. *Это состояние, бормотал я не то вслух, не то про себя, позволяет сидеть с болью и удовольствием от раскрывающейся фактичности; мы не будем работать над этим; не будем разрушать этого, просто дадим этому развиваться из его сущности. Но мы будем держать ухо остро, поближе к разуму, и позволим сознанию самому управляться с его надменностью* – извините за такое пренебрежение к речи, но я люблю сознательное внимание.

Но это шаг в западню. Подумайте: вы должны быть осторожны с ушами; они иногда удерживают слова, и это плохо, потому что эта словесная лапша теряет контакт с великим Оссианом. Цепочки слов стучат и звенят с шумом их тяжеловесных притязаний в комнатном эхо. Но рассудите спокойнее: вашим ухом вы должны слушать отсутствующе-разумно-внимательно безмолвное равновесие универсума до тех пор, пока оно производит тихий сви-и-и-и-ист и смыкает все слова в единое целое. Слушайте так, и Друг-в-Штанах будет следовать этому, мы полагаем. Действовать с яростью. В то время как слушаешь равновесие, фокус смещается на симптомы в ‘не-разрушающем’ смысле; без всяких слов на ветер или иных цепочек слов – звук ухватывает то, что съедает вас – что позволяет фактичности развиваться, поскольку это естественно. Растущая горой про-стата, которая окружала и сжимала уретру, как бессердечный камень, плавно перешла в *Стихи*.

Человечность истекала кровью по всем направлениям

Мир возвращался к равновесию без размышлений

В то время как слёзы и вода текли с новыми модуляциями

Жёсткий, неумолимый послушник монастыря боли может производить мягкие и нежные женственные чувства: *Афродита, богиня любви, была рождена от кастрированных яичек Урана.*

Но ‘не-разрушение’ не всегда доступно, и вы просто не можете сказать нет или остановить боль; надо пережить период безверия; иногда страдание просто чудовищно, когда цепочки слов соединяются из конца в конец и сопротивляются Бодлиану. Легко возбудимая про-стата очень болезненна, конечно. Встаёшь много раз за ночь, пытаешься опорожниться, но никак не можешь – таких людей множество в этом кровавом туалете, и каждый переживает защемление в воплях и мучениях. С громким неудержимым рокотом пугающий поток исторгается из эпинормального про-центра, становясь причиной раскалывающего зажима органа. Это боль пережитого страдания, и в заключение всех мучений вы исторгаете напёрсток, полный крови и воды, а затем вытираете пот, выступающий даже из глаз. Боль внезапно чудесным образом исчезает,

когда раскалывающий зажим прекращается после выдавливания капель, и вы идёте назад спать изнурённым.

Предписание: это должно повторяться каждый час в течение всей ночи – ваши супруги тоже должны выстрадать это.

Прошло время еженощной дезинформации и, наконец, явился заключительный диагноз – рак предстательной железы – никакого обмана, сказано значительно “Посмотрим, сможете ли вы выкарабкаться!”. *Это омертвление?* – размышлял я. *Долго ли я протяну, если его не будет? Нуждается ли смерть в содействии? Должен ли я притворяться, что озабочен? Это комбинации слов, или комбинации реальных персоналий с другой стороны? Есть ли после всего этого различные идентичности или это только одно слово?* Всё это значительные вопросы для простого деревенского парня, который трудится, особенно не задумываясь. Однако, я попал по крайней мере, на разворот обложки во всеобщем согласии в диагнозе рака, и все теперь любят меня, и мне нравится умирать. Но налицо просто цепочка слов. Бодлианские соединения дают мне внизу ощущения мякоти апельсина.

Красота заставляет меня быть признательным. Я хочу поблагодарить людей, которые помогали мне во всей этой объективации. Я хочу поблагодарить за обе вещи, которые я получаю утром (вы всегда приносите мне новый, свежий и непринуждённый день), блаженную и священную розу сердца, которая направляла меня к целому, и, не в последнюю очередь, мой прекрасный и целебный румяный хлеб и закваску, которая всегда оберегает нас – если мы поднимаемся (а мы поднимаемся), мы поднимаемся здесь вместе, и навечно. Если я уеду, то мы вернёмся, если я иду, то следую за вами.

Я был вне своей идентичности достаточно долго, чтобы теперь не бояться дрожи рук от всякой чепухи. Действительно, я нахожу в себе опору против страха смерти; я знаю так много об этом, что мог бы нарисовать и передать во всех деталях пропасть смерти. Однако, это совершенно другая история: я должен в точности сохранить её местонахождение. Разные может-ёмкости создают представителей в особых портах Бодлиана. Потребитель про-статы заточён в клетке вроде расширения средней части скелета к тазовой танцплощадке. Этот тип опухоли (про-статы) обычно доброкачествен; ничем страшным не пахнет, развивается медленно или остаётся на месте. Моя, однако, подлая, агрессивная, вероятно-навязчивая. Если она расширится к бубенцам, то повредит работе штыкового толкателя, ха ха ха.

Говоря о штыке, он часто кидается в окопы с его приятелями из Простаты, крича:

“Убейте труса, застрелите его сейчас же!!! Прикончите его штыком, вперёд, ребята, оставьте штык торчать в нём, поверните штык – колите, колите, продолжайте КОЛОТЬ! Оставьте его там, будьте уверены, что он разрушен, освежите его, оставьте умирать ублюдка”.

Он может заставить нас, всех нас, так напугаться, так ужаснуться, что я должен быть уверен в том, что моя жена рядом. “Я должна идти работать, дорогой”, говорит она, “Я должна”. После этого слова Бодлиана поднимаются из моего живота, формируются в моём горле и с рыданием выходят через дрожащие кривящиеся губы: *“Нет, останься со мной, я цепенею, пожалуйста, не уходи”*. Но боль не может остановить жизнь; она должна продолжаться, и ничто, ни-что остановит рак.

Мы подходим к моменту ожидания результатов анализов, которые должны обнаружить, имеет ли объективность внутри разрастающееся каштановое дерево; если имеет, то это расколёт наш каштан, и мы все безмолвно уйдём. Наконец получаем новости: в соответствии с сомнительным диагнозом, опухоль ещё не разрослась до перекрытия протоков или до размеров Намибии, но на пути к этому. Поскольку прогрессирующая опухоль похожа снаружи на гигантский обильный орех, её невозможно удалить хирургическим путём; некий потребитель заточён в клетке за ней, и так оно и есть! Вместо этого направление на радиоинтоксикацию и жуткое обращение с гормонами. Просто доктор мумбо юмбо – всё, что требуется, и больше ничего – не нужно никаких умных заявлений, никаких телеконференций, уводящих от равновесия. Нет, именно доктор машинного типа. Подавление гормонов ограничивает распространение рака путём остановки выработки тестостерона. Вы будете жить с этим подавлением, если вам повезёт – мысль, которая меня греет – но вы определённо лишитесь волос, потенции и динамичного секса. С точки зрения приобретений, вы потолстеете, у вас разовьётся нервная дрожь, и вы приобретёте сострадание, даже если вы этого не хотите.

На следующем этапе Первая Мировая Война всеми своими событиями слилась со второй. Сейчас плохие времена, и я в своей собственной тюрьме – как сквозь призму, факельщик гестапо с бешеными глазами, который любит всаживать свой нож в мой пах, поворачивая его там с диким наслаждением, в то время, как слюна течёт с его зубов. Это мой личный наставник; творец боли с его темными намерениями. Он бросал меня на пол и сокрушал много раз без устали – ему нравилось сокрушать меня, а я старался быть Шалтай- Болтаем, но не мог. Однако я подобрал, наконец, ключик к своему раздражению; я сам овладел им, я переформировался в него; я захватил этого опасного Гестапо и стал командиром своей боли, и боль внезапно была побеждена. Я сместил идентичность, и то, что было садистским мучителем, стало милой жестокостью. Мне понравилось с бешеными глазами держать нож в своей руке, радостно вонзая его в пластилиновое изображение Бодлиана. Боль превращалась в возбуждение, в восторг, в поток, в дельту реки, в триумф Бетховена. Отвратительный торговец болью оказался ничем иным, как моим собственным эхо, моей тенью. Нас трое вместе – эхо, тень и я, объединённые, чтобы начальствовать; я вошёл в свою форму и проник в континуум, ведущий от страданий к эктоплазме. Боль и экстаз стали одной и той же трагедией, но принадлежали разным концам перспективы.

Скажите следующее низким, тихим, мягким голосом: следуя переходу боли в экстаз, нужно уйти из этого измерения, оставаясь с трагедией боли, чтобы добраться до творца боли. В этом случае находишься на пути в не-локальную локальность, где обретаешь радость и можешь действовать с большей свободой. Оставайтесь тихими: вы можете превратить сюжет трагедии в сюжет комедии путём представления в собственном лице воображаемых впечатлений от заболевания, таких, как фигура Нациста.

Но делайте сдвиг назад; назад к 'я всецело здесь', и говорите прямо с непредвиденным.

Давайте все скажем "Убирайся прочь от командования – ура".

Приходи, приходи, депрессия и грубый садизм по отношению к самому себе; дайте ему владеть вами до тех пор, пока вы не преобразуете его в сознательную пустоту; это ваш

священный обычай. Давайте исцеляться и становиться целостными.

Мы осмеливаемся пойти за горизонт возможного и путешествовать в пространстве

Мы предлагаем себя нашему натуральному хищнику, большому Кораблю, настоящему капитану.

Мы путь к смерти, в котором основана мудрость, развёртывающая объективность.

Мы следуем за телом, зная, что оно лечит наше душевное безделье.

Я знаю, что я и сотни миллионов голосов - это заболевание, которое излечимо.

Эта наша болезнь принадлежит человечности.

Мы следуем физической реальности, лежащей в основе болезни, не катастрофическому процессу маниакального тела. Мы делаем это.

Каждый из нас избежал всемирной паутины (www), и теперь мы все собраны в единое целое, всеми частями работая на единое дело.

Слова, бросаемые на ветер, такие, как Рак или смерть, потеряли их значение, нет больше никаких слов; полное безветрие.

Давайте пойдём, пойдём в течение потока, бурную речку, горение ручья. Беги, река, беги, пока мы не достигнем глубины.

Подождите... стойте... какое-то движение в воде, что-то движется. Мы видим это, на нас отблеск света от водоёма, это хохочущие рыбы! Счастье, это хохочущие рыбы... ах, хохочущие рыбы; рыбы из бездны поднялись к поверхности.

“Это новый образец для будущего”, говорит женщина, всемирная предсказательница, сидящая у чёрного, освещённого, бездонного водоёма,

“Ваша работа завершена”.

Такое счастье, такое вселюбное счастье, такая непрерывная любовь – сотни перспектив: всё есть гармония – будущее выражено словами, УРА.

“Да, мылюбимсебя”, дошёл определённо человеческий рёв,

“Да, мывсекакодин, в единой компании, слитые в бесформенное целое.”

И с этой убеждённостью и внезапным согласием всё это во множестве есть телесная здоровая глубина. Всё это есть манифест непрерывности и целостности.

Конец.

Заключение

Уровни человеческого опыта

Следуя обыденным впечатлениям нашего каждодневного мира, мы можем достичь грёз и событий, подобных грёзам; и далее, продвигаясь к основам таких грёз, мы можем

испытывать трансцендентные переходы и приблизиться к смыслу жизни. Следующая аналогия может послужить способом описания человеческого опыта, получаемого при аккуратном разоблачении тела, и других сигналов, а также исследования истоков подобного опыта – метод, частично описанный в этой книге. Аналогии никогда не бывают точными, и всегда являются лишь некоторыми приближениями, но они могут послужить входом в глубину опыта.

Поток

Вообразите вечно текущую реку и спокойно плывущие по её поверхности кусочки палок, веток, листья, и чего угодно ещё, что попадает в реку и может плавать. Ниже поверхности воды находятся рыбы различных видов и окраски, а также питательные вещества, плывущие по течению вверх и вниз. Где-то вода чистая, и течение быстрое, а где-то грязнее, и течение медленнее. Но это не обычная типичная река глубиной два, три или более футов; эта река бездонна.

Согласованная реальность

Эта река может быть использована как аналогия человеческого существования и течения жизни. Поверхность могла бы соответствовать нашей идентичности, а плывущие куски и частицы – различному опыту этой идентичности. Поскольку поверхностное сознание (человеческая идентичность) движется через опыт, оно идентифицируется с тем, что оно знает: ветки, листья, речной берег, небо, но большей частью оно идентифицируется с тем, что испытывает – с кусками веток, листьями и другим, тем, что плавает. В её опыте поверхность верит, что эти плывущие вещи *есть*, потому что сознание движется в том же темпе – таким образом, мы есть то, что испытываем. Поверхностное сознание склонно забывать, что оно находится в потоке, и что глубина очень велика. Небо, речной берег, птицы и так далее – это то, что личность, или в данном случае, поверхность, испытывает как мир за пределами его или её идентичности. Мир, который поверхность знает, можно понимать, как ‘согласованную реальность’: реальность, с которой согласен каждый. Например, каждый знает, что стул это стул, или пятно на лице это пятно на лице, а не фантазия. Но любопытно то, что поверхность забывает про поток – в конце концов, вода не имеет формы – и думает, что это просто физические объекты, которые оно содержит: мой стул, мой дом, моё тело, моя мать, мои страхи, моя потеря – жуткое пятно на моём лице это я. Конечно, некоторые вещи ближе ко мне, чем другие; моё тело более я, чем моя мать; но на языке идентичности все они есть часть моей жизни и идентификации – какие-то ближе, а какие-то дальше от моего центра.

Страна воображения

Поверхность, представляющая идентичность в этой аналогии, редко фокусирует своё внимание на том, что внизу или внутри. Однако, в этих редких случаях она находит

совершенно другой мир; мир самостоятельный, мир, который всё время её задевает и впечатляет, заставляя нас испытывать хорошие ощущения или плохие, угрожая или поддерживая. Как показано в этой книге, он также содержит наше будущее и сопровождает нас на всём нашем жизненном пути, разоблачая телеологию этого пути. Это тоже аналогия сознания и, всё, что испытывается под поверхностью, по существу, тоже сознание: вода, рыбы, цвета, течение, давление, монстры, которые могут вас съесть, и прекрасные чувства любви или взаимопомощи. Этот мир может быть назван воображаемым миром, и всё, что в нём есть, непрерывно течёт и меняется, даже более, чем в верхнем, внешнем мире – это формо-образующий шаманский уровень. Это место ночных сновидений. Стул в воображаемом мире не похож на стул в обычном мире согласованной реальности, и может означать что угодно. Кресло, написанное Ван Гогом, к примеру, так называемое ‘кресло Гогена’, это кресло образное; оно только выглядит как кресло, но оно также представляет личность самого Гогена – оно скользит от одного смысла к другому; скользит между представлениями кресла и реальной личности, или другим смыслом, который зритель может вообразить, и воображает. Конечно, это также физическое полотно и другие материалы согласованной реальности. Этот мир не ограничен, не стандартизован и не разделён на объекты, как мир наверху; всё здесь в течении, и каждая личность имеет уникальный опыт этого общего потока, который есть человеческое сознание и самосознание; именно поэтому у каждого своё понимание живописи. Все наши частные истории и многое другое являются совместными ниже поверхности этого общего потока – поскольку все кошки похожи, они создают образ кошки, и разгуливают в нём по жизни, а не в образе лошади, и точно также, люди являются собой образ человека, общий для каждого из них.

Как показано, эта сфера представляет собой не только мир сновидений. Всё, что лежит за пределами контроля нашей поверхностной идентичности, обладает мифическими качествами. Вот некоторые примеры: мечта о любви; страхи, тревоги и процессы, которые их причиняют; чёрная одежда или чёрная собака депрессии; изменённые состояния сознания; гнев и ярость, которые овладевают нами; и это лишь немного. Может быть полезным подумать об этих проявлениях, как, скажем, о рыбах, поднимающихся к поверхности и создающих проблемы для нашей идентичности: ночные сновидения или кошмары могут быть прямым представлением этого мира. Мечта об известности, к примеру, может быть нейтрализована внутренней фигурой, которой это может не нравиться; это может быть также сигналом самолюбия, которое нуждается в более полной идентификации. Лёгкая бессознательная улыбка, которая иногда случается, когда происходит нечто ужасное, это непреднамеренный телесный сигнал от внутренней фигуры, которая может наслаждаться опасностью (показывая себя этой улыбкой). Все эти феномены нуждаются в усилении и дальнейшем разоблачении, чтобы войти под поверхность и расширить идентичность, включив нашу глубокую сущность. Процессы нашего воображения возникают с разных сторон: это может придти от необычных ощущений, нестандартных позиций тела, родственных связей, социальных проблем, несчастных случаев, причин дискуссий, личных и коллективных настроений. (Мы более чем просто индивидуальности, мы также ещё и ‘иные’. Войдя в воображаемый мир, можно испытать чувство существования, недифференцированного с другими существованиями). Тон голоса или что-нибудь ещё, что посвящает на нашу идентичность,

это часть нашей расколотовой природы, ищущая осознания. Все эти феномены, которые происходят в нашем недремлющем сознании, могут быть также обнаружены в ночных сновидениях. Наша глубокая сущность в качестве творческого акта может послужить причиной болезни, как показано в этой книге. Психотерапевты, адвокаты, физиотерапевты и многие другие хорошо знакомы с этим миром, который в психологии часто называют бессознательным или подсознательным.

Сознающая сфера

Эта книга имеет дело с тремя уровнями опыта: каждодневной жизнью или согласованной реальностью, миром воображения и сознающей сферой. Бездонный аспект этой реки связан с нашей глубочайшей неизвестной природой, которая, тем не менее, может быть воспринята. Эта глубочайшая реальность есть сущность, из которой поляризовались мир воображения и более нейтральные физические миры проявлений – мы здесь имеем дело не только с психологией, но также и с физикой. Поверхностная реальность (согласованный мир, который мы хорошо знаем) представляет собой относительно устойчивый материальный мир, называемый реальностью. Уровень воображения содержит все чувства, склонности и так далее, внутри и за пределами нашего сознания, которые мы обычно стараемся контролировать или изолировать, когда мы входим с ними в контакт – например, мы стремимся закрыть пятно на нашем лице, чтобы избежать отвращения и неприятия. Однако, пустой монах (который появляется во второй части) – это воображаемая фигура, представляющая мир целостности и единства, из которого проявляются другие уровни. Это единство соответствует понятию продвижения вперед, которое физик Дэвид Бом называет вложенным или 'имплицитным порядком'.

На эту глубочайшую реальность ссылаются различные традиции и дисциплины. В мире квантовой физики она называется «целостным единством» или «пустотой»; в буддизме на неё ссылаются также как на пустоту или пустотность (шуньята), и она обосновывается как философский аспект буддизма. В психологии её называют сущностью и сознающей сферой. В даосизме согласованная реальность и воображаемый мир – это «Дао, которое можно выразить словами» (понять), а сознающая сфера – это «Дао, которое нельзя выразить словами». В книгах Карлоса Кастанеды она называется «Силой». Творческие люди, такие как артисты, поэты, мистики и шаманы всегда указывали на эту сферу, сферу потенциальных проявлений. Проследив точно энергию тонкого движения от проявления назад к его источнику, попав в точку прямо перед началом этого движения, можно стать сознанием фигуры, стоящей за пределами движения. И далее, если почувствовать истоки или сущность этой существующей в моменте фигуры, можно войти во вневременную всеобщность, из которой, кажется, произошло всё. Надеюсь, что эта книга немного продвигается в направлении демонстрации подобных процессов.

Эта книга не заставляет принять или поверить в эти структуры. Это просто описание опыта, как он проявляется от одного момента к другому. Данное здесь объяснение может обеспечить метод приближения и осмысления такого невербального опыта и

проявлений. Дело самого читателя, однако, обнаружить значимость иных реальностей путём личного переживания.